

★ ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА! ★

« МОРСКОЙ »
СПЕЦНАЗ

ЧЕЛОВЕК—
ТОРПЕДА

Сергей ЗВЕРЕВ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Человек-торпеда

«ЭКСМО»

2007

Зверев С. И.

Человек-торпеда / С. И. Зверев — «Эксмо», 2007 — (Морской спецназ)

Напрасно Сергей Павлов по прозвищу Полундра подарил свою фотографию с подписью военно-морскому атташе Северной Кореи. С ее помощью корейские спецслужбы втерлись в доверие к хорошему другу Павлова и похитили его. Оказалось, что он эколог и знает, где захоронен новейший вирус, полученный в результате эксперимента. Уж очень хочется корейцам заполучить мощнейшее оружие массового поражения, чтобы занять значимое положение в мире. А раз Сергей стал невольным виновником этого, придется ему исправлять свою ошибку. Только не знает еще Полундра, что бросил вызов хорошо вооруженной группе корейского спецназа...

Содержание

1	5
2	11
3	15
4	18
5	21
6	25
7	32
8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Зверев

Человек-торпеда

1

Самая страшная опасность для любого солдата, любой армии – это не враг, а безделье. С этим охотно согласится всякий опытный военный. Если есть враг, если нужно копать окопы, совершать марш-броски, отстреливаться от неприятеля и самому ходить в атаку, то солдат закаляется и крепчает как физически, так и морально. А попробуйте любую воинскую единицу хоть на пару недель совсем без дела оставить. Результат будет просто чудовищным – стадо бабуинов по сравнению с ротой воинов покажется образцом дисциплинированности. Бездельничающие солдаты становятся просто опасны – не для противника, а для мирного населения собственной страны и друг для друга. Потому-то любой опытный командир ни на час солдат в покое не оставит.

Во время боевых действий эта проблема стоит не так остро – дел все время по горло. Но вот в мирное время офицерам приходится изощряться. Вплоть до приказов одному взводу яму рыть, а другому на следующий день ее закапывать. Все армейские приколы про задания типа «копать от забора и до обеда» именно так и появились. Неважно, что задание бессмысленно. Важно, чтобы оно было – хоть какое-нибудь. Именно забота о том, чтобы военным, особенно офицерам, было чем заняться, во все времена служила основной причиной проведения учений, парадов, маневров и прочих такого рода мероприятий. Ведь это солдат можно заставить копать ямы, а их начальство как же без работы останется? Офицер ведь тоже без дела тупеет и начинает дурью маяться. К тому же нужно ведь его как-то по службе продвигать и награды за что-то давать? А если нет войны, то самое лучшее дело для военного – учения.

Российская армия, разумеется, не исключение из общего правила существования армий мира. Учения были, есть и будут – а как же без них? И некоторым командирам удается превратить эти мероприятия в неплохую тренировку для своих бойцов.

К числу таких командиров относился и известный всему Северному флоту адмирал Сорокин. Перед учениями, на закрытом совещании, он совершенно ясно сказал своим подчиненным: «Никакой показухи быть не должно». Никакое заблаговременное определение победителей и побежденных недопустимо. Все должно быть как в жизни. Сумеет отряд подводных спецназовцев освободить условных заложников из рук «террористов» или нет, должно зависеть только от самих спецназовцев, а не от того, что решили в каких-то высоких кабинетах. То же самое касается и прочих участников учений.

Правда, адмирал все же подстраховался. Как это ни печально, но любой начальник обязан быть еще и политиком. Сорокин понимал, что, если победу одержат «террористы», Генеральный штаб отнесется к этому, мягко говоря, без восторга. Ведь операция по освобождению «заложников» хоть и является малой частью учений, в которых задействованы десятки кораблей и тысячи человек личного состава, должна стать кульминацией всего запланированного, поскольку сейчас антитеррористическая подготовка военных стала во главу угла. Так что лучше проколов здесь не допускать. Но не допустить победы «террористов» адмирал решил совершенно честным и достойным способом. Он просто поручил командование отрядом спецназовцев самому лучшему, самому надежному из своих подчиненных – Сергею Павлову по прозвищу Полундра. Этот человек был известен всему Северному флоту, был, можно сказать, живой легендой. Не было еще случая, чтобы он терпел поражение, хотя судьба раз за разом бросала его в ситуации, выжить в которых, казалось бы, совершенно невозможно. Но Полундра ухитрился не только выжить, но и победить. Именно в этом, по его мнению, и заключался

профессионализм спецназовца. Так что Сорокин тоже поступил как в жизни – поручил важнейшее задание лучшему из подчиненных. Правда, «террористами» были тоже не лопухи. Эту роль играли морские пехотинцы Тихоокеанского флота – учения, проходившие в окрестностях Владивостока, имели статус межфлотских. И что особенно интересно, роли нескольких «террористов» исполняли шишки из штаба и даже трое иностранцев – по предварительному согласованию, разумеется. Они хотели посмотреть на контртеррористические действия спецназа, так сказать, изнутри. Возразить было нечего. Сорокин попробовал было сослаться на то, что необходима соответствующая подготовка, но японский и корейский атташе дружно заявили, что далеко не все террористы такие уж профессионалы. Скорее наоборот – количество дилетантов, толком ничего не умеющих, среди них весьма велико. Так что все логично. Да и потом, оба атташе в прошлом военные – кое-какая подготовка все же у них имеется. Сорокину пришлось скрепя сердце согласиться.

Сейчас группа Полундры в полной боевой готовности находилась в большом транспортном вертолете, который должен был доставить спецназовцев к месту высадки – оно располагалось в десяти километрах от берега. Десятикилометровый заплыв с аквалангом на время был первым этапом учений для группы Павлова.

– Парни, все все помнят? – проформы ради спросил Сергей, обводя группу бойцов пристальным взглядом. С ним были и опытные спецназовцы, и молодые бойцы, для которых эти учения должны были стать первой серьезной проверкой в условиях, приближенных к реальным.

Спецназовцы закивали.

– Главное, не волнуйтесь, – теперь Сергей обращался только к молодежи. – Просто делайте так, как вас учили, и все получится.

– Когда учились, мы заложников не освобождали, – сказал кто-то из новеньких.

– Как это не освобождали?

– Ну, нас учили, конечно, были практические занятия, тренировки, но тогда все было по отдельности. А здесь и заплыв, и полоса препятствий, и рукопашка, и стрельба – все одновременно. Выдохнемся же! А те парни, которые террористов изображают, будут свеженькие. К тому же среди них какие-то дипломаты или один такой. Тронешь его – потом греха не оберешься.

– А ты что думал, в сказку попал? – усмехнулся Полундра. – Вы, парни, теперь спецназ. Значит, невыполнимых задач для вас нет. А насчет иностранцев можете не беспокоиться. Сорокин сказал, что их предупредили насчет того, что миндальничать с «террористами» мы не собираемся. Они согласились.

– Да, но...

– Никаких но! Если какие-нибудь сволочи в самом деле людей захватят, у них будет надежда только на нас. И мы должны ее оправдать. Кстати, двоих из вас, тех, кто себя проявит сегодня лучше всех, я возьму в свою группу.

Лица молодых спецназовцев прояснились: попасть в группу самого Полундры – это не шутка. Ради такого шанса можно выложиться как следует и даже сверх того.

– Помните, – теперь Павлов обращался ко всем, – на учениях будут представители иностранных государств. Я точно знаю, что приехали японцы, китайцы и корейцы. Мы с вами не должны посрамить российский военный флот и Андреевский стяг. Я надеюсь на вас, парни!

– Служим России! – грянул в ответ мощный хор.

А вертолет уже шел на снижение. Через пару минут он завис в метре над поверхностью воды. Спецназовцы, которые были полностью экипированы, быстро проверили друг у друга снаряжение и приступили к высадке.

Первым вертолет покинул Полундра. Он знал, что, когда предстоит рывок на скорость, самый опытный и сильный должен идти впереди, задавая темп. Леше Карасеву, своему помощ-

нику и другу, он поручил идти замыкающим, следить, чтобы никто не отстал. Впрочем, это вряд ли. Все ребята вроде крепкие, других бы сюда не послали.

Полундра не ошибся. На протяжении десятикилометрового заплыва не случилось ни одной накладки. Даже когда снизу на них неожиданно понеслись белые шары – заранее заготовленные на трассе мишени, ребята среагировали совершенно четко, ни один из наполненных газом шариков не достиг поверхности, все они были продырявлены из подводных автоматов. И это несмотря на то, что поднимались они очень быстро, а никто из спецназовцев не знал, на каком именно участке пути придется взяться за оружие.

Высадившись на берег, спецназовцы в считанные секунды сняли гидрокостюмы и упаковали их вместе с остальным подводным снаряжением в специальные заплечные мешки. Теперь предстояло совершить марш-бросок, преодолеть полосу препятствий и справиться в рукопашной схватке с морскими пехотинцами Тихоокеанского флота, которые ждут где-то на маршруте.

– За мной! – рыкнул Полундра, глянув на часы. Пока они укладывались в график, даже с небольшим запасом.

Спецназовцы рванули за своим командиром – широким размашистым шагом. До полосы препятствий было три километра – их группа Полундры преодолела без происшествий. Но вот у самого начала полосы с земли неожиданно поднялись несколько здоровенных парней.

– Каждый – своего! – на бегу крикнул Павлов. Это было оговорено заранее – каждый спецназовец должен драться с морпехом один на один, только в случае проигрыша ему может помочь кто-то из товарищей. А зачет, как обычно, по последнему, пока не окончится последний поединок, группа не может двинуться дальше.

«Как бы не застрять!» – подумал Полундра, выбирая взглядом самого рослого из противников, чтобы заняться им лично. Вообще-то спецназовцев, конечно, учат рукопашке намного серьезнее, чем обычных морских пехотинцев. Но все же морпехи – не кисейные барышни. Да и оставшиеся за плечами заплыв и кросс дают о себе знать – в поединке часто побеждает не более искусный, а менее утомленный. Но спецназовец не имеет права на поражение: устал он или нет – он обязан победить. А иначе зачем спецназовец нужен?!

Противник Полундры встретил спецназовца в классической низкой стойке, идеальной для обороны. Но Павлов всегда был мастером нестандартных решений. В двух шагах от морпеха он неожиданно кинулся на землю, перекувырнулся и снова вскочил на ноги, оказавшись буквально в полушаге от опешившего противника, – и, поднимаясь, Полундра нанес ему точный удар левой рукой в челюсть. Морпех не успел поставить блок, но сумел, откинувшись назад, ослабить удар. Это его не спасло – Сергей предвидел такой оборот событий. Почти одновременно с хуком он начал наносить второй удар правой рукой – мощный и короткий, нацеленный в корпус. И то, что противник откинулся назад, было только на руку – он открыл солнечное сплетение, куда и угодил кулак спецназовца. В последнее мгновение, видя, что удар достигает цели, Полундра чуть ослабил его, не стал доводить до конца. А то и убить можно – он ведь на тренировках по рукопашке двухсантиметровую дубовую доску кулаком прошибает. Морпех охнул и осел на землю. Полундра нагнулся, обозначил добивающий удар в горло, после которого противник считался побежденным и не имел больше права сопротивляться. Вся схватка заняла не больше пяти секунд.

Полундра вскинул голову, огляделся. Как и ожидалось, он справился со своим противником первым. Но остальные тоже работают уверенно. Вот под натиском Карасева отступает один морпех, вот Слава Лещ угодил по ребрам другому, вот кто-то из новичков вошел в клинч и поймал противника на болевой прием. Отлично работают ребята! Ага, вон еще кто-то противника на землю свалил! Так держать, спецназ!

Но Павлова все же ожидал неприятный сюрприз. Через несколько секунд всего два морских пехотинца продолжали бой, но, как ни печально, один из них побеждал. Невысокий,

крепкий парень с круглой, как бильярдный шар, коротко стриженной головой на короткой шее довольно уверенно теснил кого-то из молодых спецназовцев. И ведь нельзя своему помочь, по правилам! Эта схватка – зачет по рукопашному бою, каждый должен сдать его сам. Вот упал последний товарищ морпеха, этот «колобок» остался один, но он снова заставил своего противника отступить!

Полундра уже видел, в чем дело. Спецназовец держался неуверенно, прятал от противника левый бок и руку – видимо, в самом начале схватки морпех сумел по нему хорошо попасть и теперь развивает успех.

– Лешка, давай! Мочи его! – крикнул кто-то из молодежи товарищу.

– Молчать! – рявкнул Полундра, подходя поближе. – Если проиграет, вступаю я!

Цель, с которой Полундра сказал это, была двойной. Конечно, хорошо, если в бой вступит еще кто-то из молодняка. Но, во-первых, драка может затянуться еще на минуту или даже две – морпех, похоже, крепкий орешек. А во-вторых, у молодого «морского дьявола» может не хватить рассудительности, он может забыть про то, что против него дерется такой же солдат, как и он сам, человек, служащий России, честно исполняющий приказ, может, мстя за проигравшего товарища, начать драться насмерть, не сдерживая убойных приемов.

Тем временем морпех окончательно завладел инициативой. Одну за другой он провел три серии мощных ударов – большую часть спецназовец сумел сблокировать, но как минимум два удара достигли цели. После завершения третьей серии Лешка попытался контратаковать, но морпех явно этого ожидал. Он неожиданно не стал ни уклоняться, ни защищаться от удара «морского дьявола». Просто принял его кулак грудью, а сам точно вlepил противнику в челюсть. Спецназовец покачнулся и упал, получив в падении еще один удар – ребром ладони по шее. Но, как заметил Полундра, морской пехотинец не забыл ослабить удар, чтобы не покалечить противника.

Едва Лешка осел на землю, Полундра, словно распрямившаяся пружина, прыгнул вперед и вверх. Нельзя было терять ни секунды, и так из-за этого «колобка» они потеряли весь с таким трудом заработанный запас времени, Сергей не стал тратить драгоценных секунд ни на какие изыски – он просто обрушился на морпеха сверху, отразив встречный выпад. Морпех не устоял на ногах, Полундра оказался сверху, и, прежде чем его противник успел опомниться, указательный палец Павлова остановился в сантиметре от его глаза. Все было предельно ясно – в реальном бою этот удар Полундры достал бы до мозга – длины пальца для этого вполне достаточно.

– Дальше! – рявкнул Сергей, вскакивая на ноги. Лешка, оставшийся лежать на поле боя, теперь считался убитым, это были штрафные очки группе. Но, несмотря на это, нужно было сделать главное дело.

«А молодец этот „колобок“, – подумал Полундра, кинувшись под колючую проволоку, с которой начиналась полоса препятствий. – Медаль получит или премию – шутка ли, спецназовца завалить сумел!»

Полоса препятствий вскоре осталась позади. Здесь все прошло без эксцессов и потерь. Пробежав еще километр, спецназовцы снова оказались у моря. Вдалеке виднелся корабль – по условиям учений это был пароход, захваченный террористами, взявшими в заложники пассажиров и экипаж. Необходимо было провести операцию по освобождению. Причем здесь штрафные очки начислялись за каждого «убитого» заложника или спецназовца – а стрелять морпехи, изображающие террористов, будут смело, у них оружие заряжено красящими шариками, почти такими же, как те, которые используют пейнтболисты. Правда, аналогичное оружие ждало на берегу и отряд Полундры, причем заранее герметично запакованное.

Быстро вытащив гидрокостюмы из заплечных мешков, спецназовцы облачились в них, подхватили оружие и погрузились в воду. До судна было полтора километра. Приблизившись к нему метров на сто, группа разделалась. «Морские дьяволы» окружили корабль, каждый занял

свое, заранее оговоренное место. И по сигналу, который резкой дробью кастаньет дал Павлов, все рванулись вперед.

Полундра, вылетев из воды по пояс, одной рукой держал автомат, а второй – специальный, стреляющий «кошкой», с приделанным к ней тонким, но очень крепким тросом. «Кошка» уже летела вперед и вверх, когда над бортом появилась голова и верхняя часть тела какого-то парня в камуфляже. Полундра мгновенно дал очередь, три красящих шарика угодили парню прямо в грудь. Он вскрикнул и отступил – ведь шарики бьют довольно больно. А Полундра уже взлетел на палубу, краем глаза отметив, что его товарищи не отстают. Навстречу им рванулись еще несколько человек. Павлов прыгнул в сторону, стреляя на лету, упал, перекатился, дал еще одну длинную очередь.

«Живых» террористов на палубе не осталось. Спецназовцы рванулись вниз, к каютам – кто куда, было расписано заранее, и помнили этот расклад «морские дьяволы» как таблицу умножения. Полундра, Карасев и еще двое молодых спецназовцев неслись в кают-компанию – по условиям задания всех «пассажиров» держали именно там. В коридоре навстречу им попался еще один террорист, но он даже ахнуть не успел – Полундра сшиб его с ног, а Карасев выпалил в упор.

У кают-компания Полундра притормозил, взглянул на часы. Сейчас у другой двери в это помещение должны так же застыть Лещ и его группа, все согласовано с точностью до мгновения. Так, еще пять секунд... четыре, три, две, одна... Вперед!

Обе двери кают-компания вылетели одновременно. Ворвавшиеся спецназовцы тут же открыли огонь, «террористы» ответили тем же, но с запозданием, на стороне Полундры и его людей было преимущество внезапности. Сам Павлов длинным прыжком преодолел чуть ли не треть зала и успел ухватить за руки человека восточного типа. В одной руке у него был провод, а другую он сунул в карман. Это был японский военный атташе, он изображал смертника с «поясом шахида». Но Павлов оказался быстрее. Теперь, когда спецназовец напряг мощные мускулы, японец просто не мог пошевелить руками. А один из молодых «морских дьяволов» тут же оказался рядом и обозначил «клюв орла» в горло «террористу».

– Стойте! Не стреляйте! Я убью ее!

Павлов обернулся. В углу зала стоял еще один азиат. Одной рукой, согнутой в локте, он удерживал худенькую девушку, а второй сжимал приставленный к ее голове пистолет.

Полундра шагнул вперед. Нужно было действовать так, как он действовал бы на самом деле. То есть брать ответственность на себя. И ни в коем случае нельзя идти ни на какие уступки – в этом Сергей был твердо уверен, так его учили на специальных антитеррористических курсах, да и сам он был с этим согласен. Никаких переговоров с террористами!

Он поднял автомат, целясь в последнего «террориста».

– Не подходи! Я убью ее!

Полундра обнажил зубы в совершенно волчьем оскале. Он прекрасно знал, как это действует на противника.

– Убивай, – тихо, почти шепотом, сказал он, одновременно опуская левую руку к ножнам, висящим на поясе, – автомат он теперь держал одной левой. – Но что после этого с тобой будет, мне даже подумать противно, мразь.

В руке Полундры уже был нож, боевой нож спецназа, хищно изогнутый, напоминающий очертаниями акулу. Полундра продолжал медленно надвигаться на «террориста».

– Не думай, мразь, что ты потом под суд пойдешь, – кривя губы в звериной ухмылке, сказал Павлов по-прежнему тихо, но таким голосом, что самому страшно становилось. – Я тебе сначала руку прострелю, чтобы ты вторую пулю себе в башку не вогнал. А потом мы с парнями с тобой за все рассчитаемся. Мясо клочьями рвать будем, выродок! На куски разрежем! Клянусь тебе, слово даю, так будет!!! – Полундра не говорил, рычал, словно хищный зверь. Он искренне ненавидел террористов, поэтому ему было легко вжиться в роль.

Азиат дрогнул – это было заметно. Полундра сделал еще два шага вперед, теперь от «террориста» и его жертвы его отделяли всего метра три.

– Никто тебя, погань, не защитит! – прошипел Павлов, помня, как учили его секретные преподаватели бороться с террором с помощью террора. – Сбросим труп в воду, хрен кто узнает, что мы с тобой до этого сделали. А мы с тобой много чего сделаем! Яйца тебе будем в пять приемов отрезать! А пальцы – каждый в три приема! Ну, убей ее, выродок! Давай! Выстрели!

Одновременно с последним словом Полундра оказался в метре перед застывшей парой. И вдруг, не меняя выражения лица, выбросил вперед правую руку, схватил пистолет за ствол и рванул его, отводя от головы женщины и выворачивая из руки противника. Движение это было настолько молниеносным, что «террорист» не успел – а может быть побоялся? – нажать на спусковой крючок. А через какую-то долю секунды ствол автомата застыл в миллиметре от его лба.

– Все, все... ты победил, – залепетал «террорист».

С лица Полундры словно по волшебству исчезла злобная гримаса.

– Служу России!

2

Вечером последнего дня учений, после официальных речей и взаимных поздравлений, начальство и иностранные наблюдатели отправились отмечать успешное завершение всех запланированных мероприятий. Банкет должен был пройти в огромной военной палатке, шатре, рассчитаном на десять раскладушек. Правда, места в нем все равно было маловато, так что приглашение получили немногие. Но кроме высокого начальства и дипломатов в число приглашенных на банкет попали все-таки и несколько особенно отличившихся офицеров. Первым среди них, разумеется, был Сергей Павлов. Его поведение во время освобождения «заложников» было признано образцовым, а японский атташе уже обратился к флотскому начальству с официальной просьбой предоставить ему видеозапись операции с целью использования ее у него на родине при подготовке антитеррористических отрядов.

Само застолье было не слишком изобильным, что в глубине души порадовало Полундру. Он крайне неприязненно относился к начальникам, которые позволяли себе на таких вот банкетах нажраться деликатесов, напиться до поросячьего визга, а потом облевать все вокруг, опозорив российский флот перед всеми, кто это наблюдает. А ведь такие случаи бывали. К счастью, на этот раз, видимо, сказал свое веское слово адмирал Сорокин. Водки было немного, еда сытная, но простая, примерно такая же, какой обычно на боевых кораблях офицерский состав кормят. И правильно. Здесь не Москва, не Генштаб. Во время учений нужно быть ближе к народу, то есть к солдатам и офицерам, которым никаких разносолов не положено.

После нескольких официальных тостов, провозглашенных Сорокиным и иностранцами, атмосфера за столом стала довольно непринужденной. Полундра сначала в разговорах не участвовал, налегал на еду – за последние несколько дней ему было не до нее, и сейчас Сергей наверстывал упущенное. Но примерно через полчаса поучаствовать в застольной беседе ему пришлось.

– Вы позволите? – рядом с Полундрой появился невысокий азиат с белым подковообразным шрамом на левой щеке. Он говорил по-русски с заметным акцентом, но вполне разборчиво. В руках у него был стул, азиат явно намеревался сесть рядом.

– Конечно! – кивнул Полундра, подвинувшись и давая ему место.

– Меня зовут Фан Кай Вень, – сказал азиат, присаживаясь рядом с Сергеем. – Я военноморской атташе КНДР.

– А меня – Сергей Павлов, – ответил Полундра и внутренне подобрался: военноморской атташе – это довольно крупная шишка. Нужно следить за собой, как бы не ляпнуть чего лишнего про его родину. Дело было в том, что к Северной Корее у Полундры было своеобразное отношение. Конечно, когда-то эта страна была союзником СССР, до сих пор она противостоит наглым янки, стремящимся подмять под себя весь мир. Но... вот именно, что но. Знал Полундра кое-что о внутренней жизни КНДР. И из открытых источников типа «Радио Пхеньяна», и из закрытых лекций, которые «морским дьяволам» читали на посвященных Азии спецкурсах. И по его мнению, цена, которую приходилось платить народу Северной Кореи за противостояние США, была непомерно высока. Да, честно говоря, в основном-то платили люди, и не за противостояние, а за дурь своего руководства. Вот уж на что Сталин и Мао Цзедун были диктаторами, но по сравнению с покойным Ким Ир Сенем и его ныне здравствующим сыночком Ким Чен Иром Иосиф Виссарионович и председатель Мао были просто добрейшей души людьми. А также скромными до последнего предела, умными и честными. Все ведь в мире относительно, прав был Альберт Эйнштейн.

«Ну, точно, – подумал Полундра, заметив на груди корейца значок. – Интересно, кто это изображен? Отец или сын? Спросить что ли? Хотя нет. Не надо. Обидится еще, что сам не узнал».

Тем временем Фан Кай Вень широко улыбнулся:

– Ваше имя я знаю, господин Павлов. Вы же герой этих учений.

– Ну, прямо уж и герой... – скромно отозвался Полундра.

– Конечно! Я же был в кают-компании, изображал одного из террористов и видел вас в деле. Это было просто бесподобно. Не завидую я настоящим террористам, если им когда-нибудь придется иметь с вами дело.

Полундра чуть смущенно улыбнулся и слегка развел руками – мол, уж какой есть, не перехвалите. Он вспомнил – действительно, кажется, этот тип был в кают-компании. Он не узнал его сразу просто потому, что, как и любому европейцу, отличить одного азиата от другого ему было трудно.

А кореец продолжал разговор. Чувствовалось, что он опытный дипломат – уже через пару минут Полундра стал испытывать к нему хоть и не слишком сильную, но вполне искреннюю симпатию. И даже разговор стал казаться спецназовцу интересным, – хотя речь шла о вещах совершенно нейтральных – о семье, о родном городе и так далее. Ни малейших попыток узнать хоть какую-то закрытую информацию кореец не делал, хотя Павлов и ожидал этого с минуты на минуту. Впрочем... не самое здесь было подходящее место для того, чтобы секреты выведывать. Так что, может быть, просто корейцу пообщаться захотелось. Тем более что впечатление на всех, кто видел операцию по освобождению заложников, Полундра произвел сильное. Сам спецназовец тоже в долгу не оставался – расспрашивал корейца о его родне, о Корее, о том, где он учился. Атташе охотно и подробно отвечал. Правда, если полностью верить его ответам, то получалось, что Северная Корея это просто рай на земле, но ничего иного Полундра услышать и не ожидал.

Чуть позже разговор свернул на корейцев, проживающих на территории бывшего Советского Союза. Откровенно говоря, Полундра даже не заметил толком, как эта смена темы произошла. Но ничего опасного в такого рода разговоре не было, а интерес к живущим за границей соотечественникам для дипломата вещь совершенно естественная.

– Мы стараемся налаживать с ними контакты, зовем обратно, но далеко не все хотят возвращаться, – говорил кореец. – Очень много корейцев в Казахстане, в Узбекистане. Особенно больно за молодежь, за тех, кто родился и вырос уже там. Они не хотят возвращаться на родину.

– Ничего удивительного, – ответил Павлов. – Для тех, кто родился и вырос в том же Казахстане, дом уже там.

– Да, конечно, – кивнул атташе. – Но все же это печально. Ведь их родители оказались там не по своей воле.

– Да? – удивленно приподнял брови Полундра.

– Конечно. В конце тридцатых годов всех корейцев, живших на Дальнем Востоке, насильно выслали в Казахстан и Узбекистан как «пособников японского милитаризма», – произнося эти слова, кореец печально усмехнулся.

Полундра, которому не очень нравилась затронутая тема, неопределенно пожал плечами.

– Я ничего об этом не знал.

– Это открытая информация, просто вы ею не интересовались. Да вы не думайте, Сергей, я не в укор вам или вашей стране говорю. Прошло уже столько времени, что все это стало теперь историей с большой буквы. В пятьдесят шестом году всех сосланных реабилитировали, но многие так в Казахстане и Узбекистане и остались. Многие разъехались по всему Советскому Союзу. Кстати, я знаю, что один из самых популярных российских певцов конца восьмидесятых годов – кореец.

– Вы про Виктора Цоя что ли?

– Вот видите, даже вы его знаете!

– А почему бы мне его не знать? Певец действительно был известный.

– Мы приглашали его к себе и жить, и концерты давать, но он не успел дать ответ.

«Вряд ли бы Цой к вам поехал, – подумал Полундра. – Не был же он глупцом».

– У меня есть несколько знакомых корейцев, – сказал Полундра. – Отличные люди. Одного из них я могу даже другом назвать, и довольно близким.

– Да? – вежливо спросил Фан Кай Вень.

– Его зовут Чанг Зюнь. Он военный врач, мы с ним вместе года три служили.

– А сейчас он где?

– Уехал к родителям в Казахстан. Наверное, они как раз из тех, кого сослали и кто возвращается после пятидесят шестого не захотел. Они живут на берегу Аральского моря, в поселке Светлый. В этом поселке, кстати, очень значительная часть населения корейцы, я там у Чанга один раз в гостях был, видел.

– А чем же ваш друг теперь занимается?

– Точно сказать не могу, но кажется, врачом и работает. Там экология плохая, люди болеют часто. Работа вредная, но другой там нет, для бывшего офицера и такая за счастье, надо полагать.

На лице корейца не дрогнул ни один мускул, только глаза чуть заметно сверкнули. Впрочем, может быть, Полундре показалось?

Задав еще пару вопросов о друге Полундры, кореец снова переключился на прошедшие учения, выражая восхищение всеми русскими моряками, а Полундрой в особенности. Ближе к концу банкета кореец ненадолго вышел, а когда вернулся, вручил Полундре довольно большой портрет Ким Чен Ира. Откровенно говоря, радости от такого подарка Сергей не испытал ни малейшей, но отказываться, разумеется, было нельзя – обидишь. Пришлось принять и поблагодарить. Мало того, буквально через минуту к Полундре подскочил кто-то из начальников и прошептал на ухо, что необходимо тоже что-то корейцу подарить.

– Ну и подарите, – ответил Павлов.

– Это должен ты сделать! Он сделал подарок тебе, значит, и ответный ты должен преподнести.

– Но что я ему подарю?!

– Хотя бы альбом, посвященный Северному флоту, ваш адмирал вчера мне показывал.

– Хорошо, – кивнул Полундра. Он подошел к Сорокину и попросил адмирала дать ему для подарка один из красочных альбомов. Собственно говоря, именно для этого они сюда и были привезены.

Через несколько минут альбом уже был в руках Полундры.

– Примите и вы от меня подарок на память о Северном флоте, – сказал Павлов, протягивая альбом корейцу. – Кстати, здесь и моя фотография есть.

Это была чистая правда – Полундру, как одного из тех, кто представляет собой красу и гордость флота, для этого альбома специально фотографировали.

– Спасибо, – кореец с улыбкой, двумя руками принял подарок. – А где именно ваша фотография?

Полундра показал.

– Вы распишитесь что ли на ней на память. А то мне и не поверят, что я альбом от настоящего русского боевого пловца в подарок получил, – сказал кореец, протягивая Павлову ручку...

Полундра взял ручку и размашисто расписался на собственной фотографии.

«Дожил, – мелькнула у него в голове ироническая мысль. – Автографы у меня брать начали».

* * *

В жизни Сергея Павлова и прошедшие учения, и встреча с корейским дипломатом были всего лишь маленьким, незначительным эпизодом. Разумеется, он очень скоро забыл и о самом корейце, и о сделанном ему подарке, тем более что портрет корейского лидера Полундра с собой на Север, конечно, не потащил, а оставил его в штабе тихоокеанского флота.

А вот Фан Кай Вень о разговоре не забыл. Особенно о той его части, которая касалась военного врача, друга Полундры. Кореец прекрасно знал, что упомянутый русским спецназовцем поселок находится совсем рядом с островом Возрождения, на котором в советские времена располагался закрытый научный центр, занимавшийся исследованием и созданием биологического оружия. Там же, неподалеку, располагался и заброшенный полигон этого центра. После распада Советского Союза оставшийся под юрисдикцией Казахстана центр еще какое-то время влачил жалкое существование, а потом был окончательно закрыт. Финансирования не было, специалисты разбежались, да и не по карману было просто-напросто Казахстану продолжение исследований. К тому же не так уж нужно было этой стране биологическое оружие. Особенно такое серьезное, каким занимался этот центр. А занимался он вещами действительно серьезнейшими. На острове Возрождения в Аральском море с 1936 года действовала совершенно секретная лаборатория по производству и испытанию биологического оружия. В качестве подопытного материала использовались политзаключенные. Несмотря на то что в 70-е годы СССР подписал Конвенцию о нераспространении биологического оружия, уже после ее подписания лаборатория разрабатывала штаммы бруцеллеза, туляремии, вируса Эбола, боливийской геморрагической лихорадки и большое количество модельных реагентов. Более того – тайно велись разработки, давно запрещенные международными соглашениями, такие, ведение которых СССР ни за что бы не признал. Разработки вирусов настолько страшных и смертельных, что вырвись они на свободу, через две-три недели на Земле вполне могло не остаться вообще ни одного живого человека, кроме трясущихся от страха политиков и генералов, попрятавшихся в герметичные бункеры. Впрочем, надо полагать, и американцы такие же разработки тайно вели.

Полигон на острове функционировал до 1992 года. Затем воинский контингент был передислоцирован, биологическая лаборатория демонтирована. Часть оборудования военные вывезли за пределы острова, а часть осталась захороненной на острове. Казахстан сделал пару вялых попыток продолжить работу, но они ни к чему не привели. В 1995 году американские специалисты нашли на острове многочисленные захоронения контейнеров с вирусом сибирской язвы и вирусом Эбола, о чем сообщала западная пресса. Полундра об этом центре ничего не знал – слишком уж далеко было биологическое оружие от области профессиональных интересов боевого пловца. Тем более что центр отечественный. Это зарубежные исследовательские центры такого профиля Павлов наперечет знал, а вот о том, что и где исследуют на родине, «морских дьяволов» особенно не информировали – а зачем им это, спрашивается? А Чанг Зюнь Полундре ни о чем не рассказывал, хотя догадка корейского атташе была совершенно справедлива – в последние годы работа военного врача была связана с этим самым центром. Причины скрытности перед другом были просты – подписка о неразглашении никаких исключений не подразумевает. Друг или нет, а о работе молчи. Полундра с Чангом тоже далеко не всем делился.

А вот корейский атташе все это знал. И информация о друге русского спецназовца крепко засела у него в голове. Фан Кай Вень был уверен, что сумеет найти этим сведениям практическое применение.

3

Корее, Стране утренней свежести, как называет свою родину проживающий там народ, не повезло. Чего уж хорошего в том, чтобы играть роль наглядного пособия в такой хитрой науке, как геополитика, служить иллюстрацией и ярчайшим примером в ответе на вопрос, какая из двух социально-политических систем жизнеспособней. Разве что Германии после Второй мировой войны выпала столь же незавидная участь. В самом деле: днем с огнем не отыщешь никаких различий между Северной и Южной Кореей. Один и тот же климат, почвы, недра – кстати, очень бедные, – один и тот же этнический состав, одна общая история и культура. Все одинаковое!

Кроме одного. В Южной Корее – прогнившая буржуазная демократия, опирающаяся на военные базы американцев, растленная свобода слова и прочие свободы, парламентская чехарда и прочее, и прочее, а в Северной... В Северной Корее – истинно народная власть, расцветшая под солнцем идей Чучхе, и ее избранник – великий вождь Ким Ир Сен. А также его сынок и наследник, Любимый Руководитель Ким Чен Ир. Что папаша, что сынок – один другого стоит.

В результате Южная Корея – один из самых сильных и свирепых «молодых тигров» Юго-Восточной Азии, страна с фантастическими темпами экономического роста, которая дышит в затылок Японии, производит чуть ли не самую совершенную в мире электронику и имеет внешнеторговый оборот, двукратно превосходящий российский. Причем экспортирует не энергоресурсы, а высокотехнологичную продукцию – ту же электронику, к примеру.

А в Северной Корее рис выдают по карточкам, мясо же ее жители видят лишь по большим революционным праздникам, вроде дней рождения Великого Вождя и Любимого Руководителя. Первый из этой сладкой парочки, правда, недавно приказал долго жить, но ничего принципиально не изменилось – идеи чучхе по-прежнему цветут пышным цветом, а доступные народу мясо, масло, рыба и идеи Чучхе – вещи несовместные! Кстати сказать, в КНДР умерший Ким Ир Сен официально считается живым. Это не ошибка и не преувеличение! Именно так и есть – более того, за сомнение в этой истине посадить могут. И сажают – правда, в последнее время дураков, высказывающих вслух мнение, противоречащее мнению властей, в Северной Корее поубавилось. Кстати, еще одна милая деталь – летоисчисление в КНДР ныне ведется со дня рождения Ким Ира Сена. Тоже совершенно серьезно и официально.

В общем, ни риса, ни мяса – ничего нет. Одни «любимые руководители». Хотя нет! Есть и еще кое-что! Оружия в стране накоплено столько, что можно все население, включая дряхлых стариков и грудных младенцев, трижды вооружить до зубов. Зато любой житель Северной Кореи может в любой же момент бесследно раствориться в той самой утренней свежести. Зато за самовольное подключение к Интернету полагается тюремный срок. Но с оружием полный порядок. Есть чем дать отпор мировому империализму, если сунется. Есть даже своя, хоть и хиленькая, атомная бомба. Со средствами доставки, правда, хуже: бодливой корове рогов не досталось.

Корейцев когда-то прозвали «евреями Азии». Как японцы считаются непревзойденными вояками, а китайцы – выдающимися государственниками и чиновниками, так корейцы прославились на поприще торговли и банковских операций. Но сегодня такую репутацию поддерживают только жители Южной Кореи. А Северная прославилась тем, что имеет самые мощные и зловещие спецслужбы в регионе, самых квалифицированных разведчиков и диверсантов. В общем, чем-то очень похожа на Советский Союз в миниатюре – голодный и без штанов, зато с автоматом наперевес.

Известно, что сам Великий Император, Иосиф Сталин и его ближайший друг – Мао Цзедун, чьими совместными усилиями, собственно говоря, и появилась на свет социалистическая

Северная Корея, посмеивались над идеями чучхе. Уж слишком пародией отдавало! А журнал «Северная Корея» в СССР даже партийные функционеры называли «Веселыми картинками». Кто хоть один номер в руках держал – поймет почему.

Но больше полувека прошло со смерти Сталина, давно в Китае социализм только по названию, про Россию и говорить нечего, – а идеям чучхе и вдохновляемой этими идеями практике хоть бы хны. И по-прежнему господствующий в Северной Корее режим по праву считается одним из самых мрачных и одиозных режимов на планете. Многие либералы задумываются: а почему же это США и НАТО Северную Корею не трогают? Ответ, если немного напрячь мозги, крайне прост и формулируется некоторыми циниками так: «Не тронь КНДР – вонять не будет». А некоторые, особенно грубые, вместо КНДР другое слово говорят. Оно и понятно. Корея – это вам не Югославия, которая в самом центре Европы и в которой народ относительно мирный, партизанить не рвущийся. И даже не Ирак, – а ведь у Хусейна нефть была – хоть ясно, из-за чего связывались с ним союзники. А с Кореи и взять-то нечего – полезешь в нее, так только шишек набьешь. У американцев, кстати, печальный опыт, связанный с этой страной, уже имеется, один раз они там кровавыми слезами уже умылись.

Разумеется, как и в любом тоталитарном государстве, более-менее свободными от идеологии в Корее являются только высшие государственные чиновники. Просто по необходимости. Можно в соответствии с идеями чучхе искать нефть там, где ее нет, и за отсутствие успехов примерно раз в год главного геолога сажать в тюрьму – а именно так в КНДР и делается, кроме шуток. Но вот внешняя разведка, к примеру, просто обязана минимум здравого смысла сохранять. А то просто работать не будет.

В просторном, светлом кабинете собрались семь человек. Это были высшие чины внешней разведки, контрразведки и два чиновника, курировавшие эти направления в правительстве. Это были люди, которые реально принимали решения. Именно от них зависело, в какую сторону развернется мощная машина спецслужб КНДР. И они могли между собой говорить более-менее свободно, почти без оглядки на идеологию.

– Подвожу итог, – сказал один из чиновников, окинув присутствующих холодным взглядом. – Никаких наработок по серьезному бактериологическому оружию на данный момент у нас нет. И сделать что-то сами мы в обозримом будущем не сможем.

Он сделал небольшую паузу, но воспользоваться ей никто не попытался. Чиновник продолжил:

– Но такое оружие нам необходимо. Любимый Руководитель высказался совершенно определенно. Следовательно, добыть его нужно вам.

– У нас же есть то, что давал СССР... – начал один из разведчиков.

– СССР давал нам всякую ерунду. Того, что у нас есть, ни Япония, ни США не испугаются. Нужно оружие по-настоящему серьезное, из числа последних разработок. Мы неоднократно обращались с просьбами о помощи к Москве, но получили отказ. Попытки получить необходимое неофициально тоже не удались.

Один из разведчиков опустил глаза. Именно он планировал упомянутые попытки. Результатом одной из них было получение холеры, результатами второй – тифа и сибирской язвы. По нынешним временам – несерьезно, а ведь денег было потрачено очень много. Была и третья попытка, но ее результатом была и вовсе, как выражаются русские, «дырка от бублика». Один молодой и шустрый русский биолог просто примитивно надул агентов, выдав им в колбочке дистиллированную воду вместо смертельного штамма. Вспоминать обо всем этом было неприятно.

– Сейчас мы слушаем человека, у которого есть предложение, как добыть необходимое нам оружие, – продолжил чиновник. И кивнул сидящему ближе всех к двери человеку.

Присутствуй здесь Полундра, он узнал бы в нем Фан Кай Веня. Военно-морской атташе решил рискнуть, сделать ставку на ту информацию, которую узнал от «морского дьявола». И,

похоже, пока его ставка оправдывалась – по крайней мере, его были готовы выслушать те, кто мог дать приказ начать операцию, выделить на нее деньги и людей.

– Говорите коротко, – предупредил чиновник Фан Кай Веня.

– Находясь на учениях в России, мне удалось узнать от одного из русских офицеров о человеке, которого я считаю идеальным объектом для вербовки. Это кореец, его зовут Чанг Зюнь. Он работал военным врачом в Советской армии, а сейчас живет в поселке на берегу Аральского моря. Там находится заброшенный научно-исследовательский центр, который раньше занимался биологическим оружием. Уверен, что этот человек сможет нам помочь. А у нас есть к нему подход – можно воспользоваться его дружбой с русским офицером, сослаться на него. Разумеется, успех операции нельзя гарантировать. Нет уверенности, что Чанг Зюнь обладает необходимой нам информацией. Но, на мой взгляд, попробовать стоит.

Второй правительственный чиновник обвел взглядом всех разведчиков. Большого энтузиазма никто из них не проявил.

– Ну? Ваше мнение? – спросил он, обращаясь сразу ко всем, когда пауза слишком уж затянулась.

– Не слишком хорошая идея, – сказал шеф внешней разведки. – Много неясностей. Может быть, этому Зюню ничего и не известно, а готовить такую операцию трудно и дорого.

– Деньги – не ваша забота. Правительство даст столько, сколько нужно. А что трудно... так это ваша работа, разве не так? Или у вас есть идеи получше?

Разведчики молчали. Идей лучше у них явно не было. Чуть подождав, чиновник командным голосом сказал:

– Спланировать и осуществить операцию по захвату бактериологического оружия. Желательно не только самого оружия, но и специалистов, которые в СССР с ним работали. Курировать операцию поручаю Фан Кай Веню, который временно получает полномочия представителя министерства. План разработать в течение недели и предоставить лично мне на рассмотрение.

Хотя на лице Фан Кай Веня ничего и не отразилось, в душе он ликовал. Теперь нужно было оправдать доверие. Что ж, он его оправдает!

4

В конце мая на Кольском полуострове все еще царит зима. Север есть север, только через несколько недель начнется здесь короткая весна и лето. Местные жители к такому климату привыкли, а вот тем, кто приезжает на Север из европейской части России или даже из Сибири, тут приходится несладко. А таких приезжих много – это в основном те, кого привлекла возможность большого заработка – денег на Севере можно было заработать не только во времена СССР, сейчас это тоже вполне реально. И еще, разумеется, члены семей военных, тех, кого судьба и служба сюда забросили.

Здесь, в небольшом городке, жил и Полундра с женой Наташей и сыном Андреем. И сейчас, в мае, он наконец-то получил долгожданный отпуск. Разумеется, было принято решение отправиться на юг – в Краснодарский край, к Черному морю, благо денег на поездку хватало. Тем более что Полундра имел право на бесплатный проезд в любую точку России – и для себя, и для членов семьи.

– Сергей, ты полотенце взял? – Наташа заглянула в комнату, где Полундра складывал на диван вещи, которые надлежало взять с собой.

– Да, – кивнул Сергей.

– Сколько?

– Три, как ты и сказала.

– А шлепанцы запасные себе и Андрею?

– Нет. А зачем? – Полундра удивленно приподнял брови.

– Как зачем?! А если ваши порвутся?!

– Наташа, но мы же не в дикий лес едем, а на курорт. Порвутся – новые там и купим, зачем их через всю Россию тащить?

– Нет уж, лучше тащить, чтобы на душе спокойнее было, – решительно заявила Наташа, вытаскивая из шкафа две пары шлепок. – Зря я их что ли покупала?

Полундра чуть заметно улыбнулся. Спорить с женой он не собирался, хотя именно ему предстояло тащить все то, что она признала решительно необходимым в поездке. Не спорил с женой Сергей не потому, что был подкаблучником, совсем наоборот. Он был настолько уверен в себе, что самоутверждаться в спорах с любимой женщиной ему было просто не нужно. Пусть делает все так, как ей хочется, жалко что ли? Она так этого отпуска ждала!

– Сергей, а книги? – Наташа снова вбежала в комнату.

Вот, спрашивается, зачем бегать, когда до самолета еще шесть часов, а до аэродрома пешком идти максимум минут двадцать? Но нет, обязательно нужно бегать, суетиться. Женщина, что с нее взять? Нелогичное существо. Впрочем, в этом ее прелесть.

– Взял тебе какую-то книжку и Сергею «Трое из Простоквашино». А я газеты читаю.

– Как?! И все? Всего две книжки?

– На дорогу хватит, а там купим все, что захотим. Неужели ты думаешь, что в Анапе магазинов книжных нет?

– Но...

– Есть. Поверь уж мне, любимая, – с улыбкой сказал Сергей. – И вообще, думаю, там нам будет не до чтения. И телевизор в номере у нас будет, и на пляж будем ходить каждый день, и на экскурсии. Так что не волнуйся, не заскучаем.

– Правильно папка говорит! – крикнул с порога комнаты Андрей.

– Ты в комнате у себя убрался? – строго спросил Полундра.

– Да!

– Молодец, – проверять слова сына Сергей и не подумал, он знал, что Андрей скорее язык себе откусит, чем совет отцу. Так уж он его воспитал.

Наташа улыбнулась, явно хотела что-то сказать, но ее слова заглушила пронзительная трель телефона. Судя по звуку, звонок был междугородний.

– Хм... Интересно, кто это? – удивленно произнес Полундра. Он шагнул к журнальному столику, поднял трубку.

– Да?

– Сергей Павлов? – раздался в трубке надтреснутый женский голос. Его обладательница явно была немолода.

– Да. С кем я говорю?

– Меня зовут Тай Зюнь. Сергей, вы меня не знаете, но, может быть, помните моего сына...

– Вашего сына зовут Чанг? – Полундра немедленно понял, о ком идет речь.

– Да, – обрадованно сказала женщина. – Он много рассказывал о вас, говорил, что вы с ним были друзьями.

– Были? – переспросил Сергей. Ему очень не понравилось, что женщина употребляет прошедшее время. – С ним что-то случилось?

Секунды две женщина молчала. Потом в трубке послышалось тихое всхлипывание.

– Что с вами?

– Я сама не знаю, что с моим сыном, – сквозь слезы проговорила женщина. – Поэтому и позвонила вам. Мне больше совершенно не к кому обратиться! У нас с мужем подходящих для подобного случая знакомых нет. А вы все-таки офицер, к тому же каких-то элитных отрядов, так Чанг говорил.

Упоминание про элитные отряды Полундре не очень понравилось, вообще-то это было тайной. Но, с другой стороны, если Чанг не уточнял, какие именно спецвойска он имел в виду, то ничего страшного. Тем более что информация о том, кто из «морских дьяволов» где служит и в каком чине, у любого вероятного противника и так есть.

– Что с ним случилось-то? Скажите толком! – в голосе появилось легкое раздражение, корейка явно это почувствовала. Она сразу стала говорить четче, по делу.

– Он пропал. Уже два дня как пропал. А ведь ему совершенно некуда деться, ни денег с собой не взял, ни документов! Я думаю, что его похитили!

– Куда он ушел, когда это случилось? Почему вы думаете, что это похищение? Кого подозреваете? В общем, расскажите все поподробнее.

– К нам приехал из Алма-Аты один человек. Кореец. Сказал, что его зовут Зим, что он наш дальний родственник, назвал несколько фамилий общих предков, назвал провинцию, в которой они жили. Ему явно было что-то нужно от Чанга. Мне он не понравился, но сын ему поверил. Зим сказал, что он знаком с вами, передал Чангу от вас привет и еще фотографию с дарственной надписью.

– Что?! – удивленно спросил Полундра.

– Вы ничего не передавали? Так я и знала! Этот негодяй обманул моего Чанга! Но что ему было от него нужно?!

– Никакого Зима я не знаю, – сказал Сергей. – И ни приветов, ни фотографии Чангу не передавал. Интересно, откуда этот тип меня вообще знает?

– Он сказал, что был в городе, где вы служите, и в ресторане с вами познакомился. Вот вы и решили через него Чангу привет передать и подарок. Так он объяснял, но я ему не верила!

– И правильно делали! Ни с кем я ни в каких ресторанах не знакомился! Чушь какая-то!

Только Полундра сказал эти слова, как в голове у него словно молния пронеслась. Ведь он же недавно делал дарственную подпись на своей фотографии! И отдал ее корейскому военному атташе. Может быть, загадочный Зим это он и есть? Хотя, кажется, атташе звали как-то иначе. Нет, все равно какая-то связь с ним здесь есть, не может не быть!

– Так, а что дальше-то было? – спросил Полундра вслух. – Как Чанг пропал?

– Позавчера этот родственничек его куда-то увез.

– Вы это видели?

– Нет. Но они с вечера договаривались на остров Возрождения ехать. А утром мы с мужем проснулись – а в доме ни Чанга, ни этого Зима.

– Понятно. А зачем им на этот остров понадобилось ехать?

– Ой, я толком и сама не знаю, Зим-то ведь не со мной, а с Чангом в основном говорил. В общем, Сергей, вы ничего не знаете обо всем этом?

– Ничего.

Женщина тяжело вздохнула.

– Что ж... Извините за беспокойство. Просто я так надеялась, думала, может быть, вам что-то известно, может быть, Чанг вам хоть звонил.

– Нет, – снова сказал Полундра. Он чувствовал усиливающуюся жалость к этой женщине, которая, несмотря на постигшее ее несчастье, старалась держаться с достоинством.

– Я просто не знаю, к кому мне теперь обратиться. В милицию без толку: ближайшее отделение в двухстах километрах, да и не будут они связываться. Скажут, что сам вернется. Они ведь даже заявление не примут, если месяц не прошел со дня исчезновения. Сергей...

– Да?

– Скажите, а вы не могли бы приехать сюда? Простите за такую просьбу, но мне действительно совершенно не к кому больше обратиться! Я вам дорогу оплачу. У меня немного на черный день отложено, а куда уж чернее.

Если бы Полундра не был со вчерашнего дня в отпуске, он бы отказал не раздумывая – военный человек несвободен, никуда от этого не денешься. Но именно сейчас он мог согласиться. Мог, правда, и соврать, отговориться службой. Но как после этого сыну в глаза смотреть, которого учишь не врать? Нет, уж если отказывать, то прямо.

И тут Сергей почувствовал, что отказать этой несчастной женщине просто не может. В конце концов, Чанг – его друг. Хоть они и не виделись уже несколько лет, это дружбы не отменяет. И если друг в беде, то наплевать на это обстоятельство и спокойно ехать на юг загорать и купаться он просто не может – иначе дрянь он, а не русский офицер.

– Сергей... – несмело сказала корейка.

– Да, – отозвался Павлов. – Я думал. В общем так. Я приеду. И дорогу мне оплачивать не надо, обойдусь уж как-нибудь. Если бы у меня были проблемы, уверен, Чанг поступил бы так же.

Корейка начала было благодарить, но Полундра перебил ее:

– Вы уже и так, наверное, все свои сбережения на оплату этого звонка потратите. Диктуйте точный адрес.

Еще через минуту, записав адрес семьи Зюнь, Полундра повесил трубку. Ни жены, ни сынишки в комнате не было – как только он начал разговор, они вышли, так у них было в семье принято. Теперь Сергею предстояло самое трудное – объяснить жене и Андрею, почему папа с ними поехать отдыхать не сможет. Впрочем, Полундра был уверен, что его поймут. Один из отличительных признаков хорошей семьи – в ней тебя всегда понимают. А у Полундры была очень хорошая семья, Сергей не раз в этом убеждался.

«Ладно, отпуск длинный, – подумал он. – Присоединюсь к ним в Анапе через пару дней».

5

Аральское море – бессточное соленое озеро-море в Средней Азии, на границе Казахстана и Узбекистана. До середины двадцатого века оно было четвертым в мире по занимаемой площади – почти семьдесят тысяч квадратных километров. Но примерно с начала шестидесятых годов Аральское море стало мелеть ускоряющимися темпами из-за интенсивного забора воды из основных питающих его рек – Амударьи и Сырдарьи – с целью орошения. В начале девяностых озеро распалось на два изолированных водоема – Северное и Южное Большое Аральское море. К началу третьего тысячелетия площадь поверхности Аральского моря составляла примерно четверть от первоначальной, а объем воды около десяти процентов. По всему Приаралью разбросаны ржавые останки рыболовецких судов. В последние годы в связи с падением сельскохозяйственного производства воду на орошение стали забирать меньше и уровень Арала постепенно повышается. Но процесс этот идет медленно, и до того, что было раньше, еще очень далеко. Наступающая новая пустыня Аралкум уже поглотила два миллиона гектаров пахотных земель, привела к деградации пастбищ, тугайных лесов, другой растительности.

Природа Приаралья – суровая природа. Практически безводная степь, всхолмленная пологим сопочником; летом она раскаляется под лучами безжалостного солнца, зимой продувается насквозь ледяными ветрами с близкого Тянь-Шаня и предгорий Алатау. Аридный, резко континентальный климат, который не может смягчить большой, пересыхающий Арал. Каменистые солончаковые полупустыни, на юге Приаралья переходящие в пустыни настоящие, ничем по лютости характера не уступающие знаменитым Черным Пескам – Каракумам. Но совсем ненадолго, примерно на месяц, Приаралье преобразуется, одевается в пышный зеленый наряд, расшитый ярким шелком миллионов цветущих тюльпанов, дикой гвоздики, желто-оранжевыми кисточками соцветий барбариса, ажурными белыми зонтиками пустынного тмина.

Поднимаясь над горизонтом все выше, весеннее солнце прогревает прибрежную полосу и верхний слой морской воды. В середине апреля вспыхивает на этих берегах особая, ни на что не похожая быстротечная весна.

Дикие степные тюльпаны конечно же не так роскошны, как садовые. Они куда меньше и бывают лишь двух цветов – желтого и красного. Зато их по-настоящему много, десятки и сотни гектаров.

Среди половодья цветов в буйной зелени встречаются громадные проплешины темно-коричневого и синевато-черного оттенка, твердые и ровные, словно асфальт. Над проплешинами ходят волны горячего воздуха, который медленно поднимается вверх. Именно такие элементы ландшафта порождают миражи, но их время придет позже, в разгар палящего летнего зноя. Это такыры – места, где вешняя талая вода поднимает на поверхность почвенные соли нижних горизонтов. Поэтому гигантские зеркала такыров словно бы запылены, присыпаны мелким белесым порошком засохшего галита, мирабилита, магнезии. Ничего, кроме солероса и редких серебристых кустиков чернобыльника, на такырах не растет: слишком солоно. Зато на подобные солончаки очень любят приходить дикие степные копытные – джейраны, сайгаки, которых, правда, немного осталось в Приаралье, дикие ослы – куланы. Они лижут и грызут соленоватую землю, для них это лакомство. Тут же, на плотных корках такыров, как на турнирных площадках, разыгрываются бои самцов за право обладать табунчиком молодых самок и первородков, переживших тяжелую зимнюю бескормицу, морозы, нападения волчьих стай.

Свежий человек, попавший в приаральскую степь весной, бывает поражен и восхищен щедростью природы и чистотой ее красок. Именно в таком восхищении сейчас и находились почти все члены международной эколого-биологической экспедиции, разбившей промежуточный лагерь в степи. Экспедиция могла именоваться международной практически без натяжки – правда, почти все ученые были русскими, но зато финансировали это мероприятие

японцы. Японцем был и руководитель экспедиции – невысокий, плотный мужчина средних лет. Звали его Савада Иримато, кем он был у себя в Японии, никто из русских толком не знал. Но именно он представлял организацию, финансирующую экспедицию, он же был ее официальным начальником. Ученым Савада не был – в биологии и экологии он разбирался не лучше, чем кошка в геометрии. С другой стороны, начальник, ничего не умеющий сам, но понукающий других, – это ведь не только российская беда. Такие в любой стране есть. Впрочем, господина Иримато упрекнуть пока было особенно не за что. Он обеспечил экспедиции оборудование, транспорт, нанял рабочих из числа местного населения, а в собственно научные дела особенно не вмешивался. Правда, именно он задавал направления исследований. Но, откровенно говоря, полунцизм российским ученым было наплевать, что именно изучать, – платили бы деньги. Кроме Иримато японцев было еще двое – девушка-аспирантка Токийского университета и парень по имени Като. Девушку звали О-Рибу, она была очень тихой и незаметной. Кроме того, она почти не отходила от Савады – вскоре все русские сошлись на том, что она его любовница. А вот с Като было сложнее. Он ученым тоже не был, но в отличие от Иримато в делах экспедиции рвался принимать самое деятельное участие. Като явно принадлежал к числу людей, у которых на почве экологии слегка поехала крыша, – на Западе и в благополучной Японии такие встречаются довольно часто. Общаться с ними нормальному человеку, как правило, довольно тяжело. Конечно, экология дело нужное и важное, кто спорит. Но когда у человека она становится бзиком, то иметь с ним дело не легче, чем с упертым уфологом, или не менее упертым коммунистом, или радикальной феминисткой, или... В общем, список можно легко продолжить. Число идей, которые способны захватить человека целиком, без остатка, весьма велико. А ведь известно, что все хорошо в меру. Когда человек не может говорить ни о чем, кроме экологии и глобальных катастроф, ждущих человечество из-за невнимания к ней, иметь с ним дело трудно и неприятно. И добро бы еще в своей любимой экологии Като прилично разбирался! Так ведь нет – он явно был сущим дилетантом, нахватавшимся вершков из газет и журналов. Тем не менее в каждый разговор он лез со своим мнением, и ведь приходилось его выслушивать – как же, ведь он представитель японской стороны. Обидится еще, наябедничает соотечественникам, и не видать больше от них денег как своих ушей.

А деньги были на экспедицию выделены очень приличные. Иримато предоставил ученым передвижные блочно-модульные домики с кондиционерами, два джипа, грузовик, акваланги, компрессоры, спутниковую связь. Кроме того, он не поспешил, нанял семь человек рабочих из местных – троих казахов и четверых корейцев. А ведь когда есть рабочие, совершенно другое дело. Ученым не приходится самим копать яму под туалет, готовить, мыть посуду, мотаться в ближайший поселок за продуктами, таскать тяжести и заниматься прочими необходимыми, но малоинтеллектуальными делами. Вот и приходилось ради всех этих благ терпеть японцев – в том числе и Като с его манией.

Сейчас все члены экспедиции, усевшись вокруг раскладного походного стола, подводили итог работы за день. А Савада и О-Рибу стояли чуть в стороне. Иримато одной рукой обнимал девушку за талию, а второй держал бинокль. Он смотрел на остров Возрождения.

Матвей Семенович Былинкин, кандидат биологических наук, встал из-за стола, сделал несколько шагов в сторону этой парочки, негромко кашлянул.

Иримато обернулся:

– Да?

– Мы провели анализ всех наблюдений, – сказал Былинкин.

– И каковы же результаты этого анализа?

Разговаривали они по-английски, а точнее сказать – на пиджин-инглише, поскольку по-настоящему хорошо английским ни русский, ни японец не владели. Но в данном случае это только облегчало взаимопонимание – оба знали язык примерно одинаково, говорили с одними и теми же ошибками и прекрасно понимали друг друга. Русским, правда, японец тоже владел,

но еще хуже, чем английским, так что по-русски разговаривал только тогда, когда нужно было, чтобы понимали его все, а не только знающие английский.

– Неутешительные результаты, – сказал Былинкин. – По перемычке, соединяющей остров с берегом, на материк могут попасть земноводные и тушканчики, зараженные разного рода вирусами. Да это уже происходит! Просто пока, к счастью, эпидемия среди животных не вспыхнула. Но это может случиться в любой момент.

– Да! – горячо воскликнул Като из-за спины Былинкина. – В советские времена коммунистическое руководство совершенно не думало об экологии! Мы призваны исправить допущенные им ошибки!

Большая часть ученых сумела сохранить спокойное выражение на лицах, но двух самых молодых заметно передернуло от такого неуместного пафоса. К счастью, Като этого не заметил.

– Какого рода заболевания могут переносить животные? – деловито спросил Савада.

– Пока трудно сказать точно. Необходимы более полные исследования.

– Мы проведем их, – решительно заявил японец – теперь он говорил по-русски. – Завтра начнем готовиться к высадке на остров. Необходимо провести наблюдения там. И снять документальный фильм о заброшенном советском научном центре, который может стать источником заразы.

Лица ученых вытянулись. Соваться на остров Возрождения никто не хотел. Мало ли что там могли захоронить после развала закрытого института. Все присутствующие имели непосредственное отношение к биологии и, хоть точно ничего и не знали, вполне понимали, насколько это может быть опасно.

– На остров Возрождения? – переспросила молоденькая аспирантка из Самары. – Но ведь там опасно!

– У нас прекрасные защитные костюмы, – ответил Иримато.

– Их же не хватит на всех!

– А брать туда всех и не имеет смысла. Поедет только часть людей. Разумеется, только добровольцы.

– Я поеду! – с блеском в глазах заявил Като.

Былинкин поморщился. «Эх, знал бы ты, парень, – подумал ученый, – что там можно подцепить, если не повезет! Тогда бы так не рвался! Хотя, с другой стороны... Если в наиболее подозрительных местах защитные костюмы использовать, то может оно и ничего. А отказываться нельзя – японцы этого не поймут».

– У нас могут возникнуть проблемы технического плана, – сказал Былинкин, цепляясь за последний благовидный предлог отказаться от высадки на остров. – Третью часть острова принадлежит Казахстану, две трети – Узбекистану. Там охрана, пограничники. К тому же территория бывшего центра объявлена закрытой. Нас туда просто не пустят!

– Пустят, – уверенно ответил Савада. – У нас все бумаги в порядке, все согласовано. Начиная от пограничных начальников двух стран и заканчивая разрешениями национальных Академий наук.

На это ответить было уже совершенно нечего.

– Что ж, тогда я готов. Хоть завтра.

В голосе Былинкина не было ни малейшего энтузиазма. Но, тем не менее, его примеру тут же последовали почти все остальные ученые. Каждый хотел получше зарекомендовать себя перед спонсором.

– Кто именно поедет, мы решим завтра, – сказал японец. – Но я рад, что недостатка в добровольцах нет.

После этого, сказав по-японски несколько слов своим соотечественникам, Иримато направился к своей палатке, оставив ученых обсуждать безрадостные новости.

Вскоре из палатки послышался его голос – Савада явно связался с кем-то по спутниковому телефону. Но говорил он по-японски, и никто из ученых ничего не понял. Впрочем, что там было понимать? Наверное, перед начальством отчитывался.

6

– Вот он, Светлый, – шофер остановил машину шагах в тридцати от крайних домов. – Дальше не поеду, я там одному куркулю двести рублей должен.

– Ладно, дойду уж как-нибудь, – усмехнулся Полундра, открывая дверцу грузовика. – Не инвалид. Слушай, а что ж ты этому куркулю несчастные двести рублей не отдашь? Я ж тебе только что триста заплатил.

– Подождет, ничего с ним не сделается, – отозвался водитель. На лице у него уже появилась предвкушающая приятное времяпровождение улыбка – было совершенно ясно, что заработанным деньгам он собирается найти более выгодные применение.

– А за что задолжал?

– За самогон. Он такой продукт из картошки гонит – лучше магазинной водки.

– Отравиться не боишься?

– Сколько лет уж пью и не отравился. Имей в виду, кстати, – захочешь выпить, иди к Паку, там тебе его дом любой покажет.

– Мне не до выпивки будет. Я сюда не веселиться приехал, а по делу.

– Какое, интересно, у тебя может быть здесь дело?

– Это уж, извини, тебя не касается, – говоря это, Сергей так обезоруживающе улыбнулся, что водитель даже не обиделся.

– Ну, как знаешь. Не хочешь – не говори. Значит, как надумаешь обратно ехать, звони – за триста рублей я, как пионер, всегда готов.

Машина отъехала. Полундра повернулся к поселку, окинул оценивающим взглядом открывшийся ему вид. Зрелище было довольно безрадостное. Чувствовалось, что люди здесь едва-едва сводят концы с концами. Сергей стоял на пригорке, и ему была видна добрая половина населенного пункта. Старые, в большинстве своем еще советской постройки дома. Да не просто советской, а еще, пожалуй, дедушку Брежнева в относительно молодые годы помнящие. Машин почти не видно, только дряхлый «уазик» у ворот одного из домов да пара мотоциклов, тоже древних – даже в пору ранней юности Полундры такие устаревшими считались.

«Так, а это, надо полагать, магазин, – подумал Полундра, глядя на единственное в поселке двухэтажное здание, выглядывающее из-за своего более низкого соседа. – Он же скорее всего клуб, почта и сельсовет. Или как он у них тут теперь называется. Вот там мне кто-нибудь и расскажет, как мне дом семейства Зюнь найти. А заодно и куплю что-нибудь, не с пустыми же руками в гости заявляться – они тут скорее всего живут если не впроголодь, то не очень богато».

В поселке ничьего особенного внимания Сергей не привлек. Впрочем, народу на улицах было мало – всего два человека ему навстречу попались по пути к магазину. А вот там было оживленнее. Оказалось, что двухэтажных кирпичных зданий два. Одно из них было старым, в нем, как Полундра и предполагал, находился магазин и клуб. А вот второе было сложено из новых, не успевших еще даже потемнеть от времени кирпичей, на черепичной крыше красовалась спутниковая антенна. Видимо, дом принадлежал какому-то местному богатею. Или кто-то из городских решил здесь себе что-то типа дачи устроить. У магазина сидел какой-то дедок, в стороне, посреди площади, что-то оживленно обсуждала стайка подростков. Возле нового дома стояла приличная машина – тоже не первой молодости, но довольно мощный и крутой джип. Рядом с ним были два парня-казаха. К ним-то и подошел Полундра.

– Парни, подскажите, как мне найти дом Чанга Зюня? – спросил Сергей.

Парни переглянулись – причем лица у них при этом стали какие-то недобрые.

Один из них что-то коротко ответил на непонятном Сергею языке. Но интонация была вполне понятной – в его словах чувствовались злость и вызов.

– Вы по-русски не говорите? – с удивлением спросил Сергей. Он знал, что в бывших среднеазиатских республиках русский знают почти все.

– А почему мы должны говорить по-русски, козел? – зло оскалившись, спросил второй парень. – Ты к нам приехал, а не мы к тебе!

На какую-то долю секунды Полундра растерялся – столь откровенной агрессии он не ожидал. И просто не знал, как ответить. Он легко мог завязать обоих парней в морской узел, но вряд ли стоит начинать знакомство с поселком с драки.

– Я, парни, не к вам приехал, а к Зюням, – довольно мирно ответил Полундра. – А если вы не знаете, где они живут, то так бы и сказали.

– Ты нам, баран, не указывай, что нам делать!

– Парни, я вас, кажется, ничем не обидел, вы бы тоже язык попридержали! – не выдержал Сергей. – Не знаю, как у вас тут, а в России за такие слова и в репу получить недолго!

– Ты смотри, грозный какой! – противно усмехнулся один из парней. – Такие, как ты, дядя, в репу не дают, а получают! Три секунды у тебя есть, чтобы уйти самому!

– А что потом?

– А потом на пинках выгоним! Зря ты на болтовню свои секунды потратил.

– Попробуйте, – Полундра одним движением сбросил с плеча сумку.

Наверное, самому парню его удар казался очень быстрым и неожиданным. Но для «морского дьявола» с его подготовкой это были детские игрушки. Полундра чуть подался корпусом назад, уводя подбородок из-под удара. Дальше можно было сделать много чего – ответить таким же ударом и послать в нокаут например. Или поймать руку на болевой прием. Или просто вывихнуть ее одним точным ударом. Полундра выбрал наиболее гуманный вариант – он просто сильно пнул наглеца по голени. На Сергее были летние армейские берцы, ударом ноги в такой обуви он кирпичную стену прошибить мог. Но, разумеется, ударил мягко, в треть силы.

Однако парню хватило. Он взвизгнул, пошатнулся, с трудом удержался на ногах и тут же запрыгал на одной ноге, поджав ушибленную.

А Полундра широко улыбался, глядя в глаза второму. Но тот оказался не робкого десятка да и умел побольше. Он быстрым движением выхватил из кармана выкидной нож, нажал кнопку – с легким металлическим шелчком высвободилось лезвие. От первых двух выпадов Полундра просто уклонился – он понял, что противник не полный лопух, а значит, нужно быть поосторожнее. Выпады были серьезные – первый в живот, второй в лицо.

«Совсем охренели!» – промелькнуло в голове у Сергея.

В этот момент распахнулась дверца джипа – из него полез третий парень. Но Полундра не стал дожидаться, когда он вылезет. Уходя от очередного взмаха ножа, спецназовец резко прыгнул вправо и всем телом навалился на дверцу – та захлопнулась, угодив неудачливому вояке по пальцам. Раздался негромкий хруст и полный боли вой. Похоже, этот поплатился за неумеренную прыть переломанными пальцами.

Парень с ножом попытался воспользоваться тем, что Полундра отвлекся. Он прыгнул вперед, нанося размашистый удар. Полундра резко присел на корточки. Нож просвистел у него над головой, а спецназовец уже распрямлялся, как отпущенная тугая пружина. Расстояние до противника было идеальное – чуть меньше метра. И Полундра, не мудрствуя лукаво, засветил ему кулаком в скулу. Да так, что под кулаком что-то хрустнуло – как бы не лицевая кость. Парня отнесло шага на три в сторону. Он рухнул в пыль и скорчился, держась за лицо. Из-под прижатых к щеке рук уже показались красные струйки.

«А нечего за нож хвататься, – без малейшей жалости подумал Сергей. – В другой раз думать будет».

Сергей повернулся к тому, кого он ушиб первым. Парень уже стоял на двух ногах и таранился на спецназовца с ужасом.

– Так что, – как ни в чем не бывало спросил Сергей, шагнув вперед, – где Зюни живут?

– Н-не знаю! – отчаянно вскрикнул парень, видя, что Сергей приближается к нему. – Я не местный!

– Ну, зачем же так орать, – хмыкнул Полундра. – Не местный так не местный. Извини за беспокойство.

С этими словами он подхватил с земли сумку, развернулся и пошел к деду, сидевшему на скамейке у магазина. Тот тоже смотрел на Полундру с заметным страхом в глазах.

– Скажи, отец, где мне дом семьи Зюней найти? – Полундра постарался говорить как можно уважительнее.

– А вон там, – ответил старик, показывая рукой на соседнюю улицу. – Седьмой дом слева.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Полундра.

Только оказавшись у самого дома, Сергей вспомнил, что забыл зайти в магазин. Но возвращаться не хотелось – в конце концов, успеется еще. Он постучал в калитку. Немедленно раздался собачий лай, а спустя несколько секунд из дома вышла пожилая полная женщина.

– Вы Тай Зюнь? – спросил Полундра.

– А вы Сергей? – робко, словно не осмеливаясь поверить в это, спросила женщина. По-русски она говорила очень чисто, совершенно без акцента.

– Да, – кивнул Полундра.

– Вы приехали! Спасибо! Спасибо вам! – женщина бегом кинулась к калитке.

– Да пока еще, вроде бы не за что спасибо говорить, – улыбнулся Полундра.

– Есть за что! Вы один не отказали нам в помощи! Проходите.

На доме лежала та же печать, что и на всем поселке, – бедность. Чувствовалось, что поддерживать здесь хоть какой-то уют хозяевам удастся с колоссальным трудом. Это было видно по каждой мелочи – бледным, застиранным занавескам, заварочному чайнику с отбитым носиком, большому ковру – когда-то он, видимо, был весьма неплох, но теперь стерся до основы и выглядел жалко.

В доме к женщине присоединился ее муж Фа Зюнь, отец Чанга. Это был невысокий, жилистый, очевидно, довольно сильный мужчина – движения его были ловкими и быстрыми, а рукопожатие крепким. Хозяева усадили гостя за стол, не слушая возражений, налили жидкого чаю, предложили рисовое пирожное. Хотели угостить и чем-нибудь более существенным, но Полундра решительно отказался.

– Рассказывайте, что с Чангом, – сказал он. – Понимаю, что сначала нужно поесть, но некогда нам тут восточные церемонии разводить. Может статься, что сейчас каждая минута на счету.

Глаза женщины тут же наполнились слезами. К счастью, ее муж владел собой лучше.

– Тай говорила, что самое главное вам уже рассказала.

– Что именно? Что Чанга какой-то ваш родственник увез?

– Да какой он нам родственник! – хмыкнул кореец. – Говорил, что предки общие, – так поди это проверь! Может, и врал. Еще он сказал, что он ваш друг, фотографию вашу Чангу передал с вашей росписью. Так что сначала-то я ничего не заподозрил, обрадовался даже – ведь он человек богатый, это сразу видно было. Да и сам он говорил, что у него в Алма-Ате какой-то бизнес. Но потом я присмотрелся и вижу: Чанг ему очень нужен.

– Зачем?

– Очень он островом Возрождения интересовался. Точнее, тем, что на этом острове было.

– А что там было? – недоуменно поднял брови Полундра.

– Как что?! Научный центр! Биологический! Сейчас он заброшен, а раньше там микробов смертельных выводили.

– Да ну? – скептически усмехнулся Полундра. – А вы откуда знаете?

– Да у нас в поселке сейчас об этом каждая собака знает! В советские времена тайна была, а потом, когда мы от вас отделились, началось – журналисты начали ездить, статьи писать. Пару

раз наш поселок даже по телевизору показывали, говорили, что мы живем в страшной опасности, – последние слова Фа Зюнь сказал, явно пародируя какого-то журналиста или диктора.

– Понятно... – протянул Полундра. – Но при чем тут ваш сын?

– Так Чанг же там работал!

Полундра на секунду замолчал. Теперь ему многое стало понятно. А он-то думал, что Чанг обычный военврач!

– Я, кстати, тоже там служил. В охране, – добавил Фа Зюнь. – Но тогда не знал, что охраняю.

– Значит, этого вашего «родственника» интересовал заброшенный институт.

– Ну да! Он постоянно о нем Чанга расспрашивал. А ведь Чанг последнее время и сам этим институтом интересовался. Наши туда все больше за металлоломом ездят, а он нет. Он выяснял, какая зараза где захоронена, какую-то карту составлял. Мать из-за него постоянно волновалась, да и я тоже, честно сказать.

– Так... Понятно.

– Вообще, что-то в последнее время все этими развалинами интересуются. Экспедиция какая-то приехала, тоже, говорят, полезут туда.

– Что еще за экспедиция? – Полундра насторожился. Он прекрасно знал, что научные экспедиции – одно из самых лучших прикрытий для группы, интересы которой ничего общего с научными не имеют. Ему и самому несколько раз приходилось ученого изображать.

– Говорят, что международная экологическая, – ответил Фа Зюнь. – Но большая часть – русские. Правда, за главного японец какой-то. Наши, поселковые, ходили наниматься в рабочие – не взял. Сказал, что набрал уже.

Полундра кивнул. Он уже был почти уверен, что появление родственника Зюней, эта экспедиция и исчезновение Чанга – звенья одной цепи. Не бывает таких случайностей! Еще Сергею вспомнился корейский военно-морской атташе, с которым он разговаривал после недавних учений. Ведь он дарил ему альбом со своей фотографией!

– А какая фотография была? – спросил он.

Выслушав описание, только молча кивнул. Да, та самая. Уж не пожаловал ли сюда под видом родственника Зима Фан Кай Вень?! Полундра попросил описать Зима. Но описание его разочаровало – не он. Явно не он. Можно изменить внешность, но рост не изменишь, а по описанию Зим был намного выше военно-морского атташе. Но все равно какая-то связь между ними есть – как иначе объяснить появление фотографии?

– А давно Чанг пропал? – спросил Сергей.

– Неделю назад. Восьмой день уже пошел.

Женщина снова жалобно всхлинула. Полундра стиснул зубы – и мысленно поклялся себе, что не уедет отсюда, пока или не найдет Чанга, или не отомстит за его смерть.

– А вы уверены, что его именно Зим с собой увез?

– Ну а кто же еще? Утром просыпаемся – ни Чанга, ни Зима, ни его машины. А он до того дня два уговаривал сына с ним на Арал поехать. Вот и уговорил, видно. Или насильно увез. Хотя, может, и нет. Чанг ему поверил, по-моему. И надеялся, что он поможет заразу со дна моря убрать.

– Как это?

– Ну, я же говорил, Чанг последнее время много занимался всей этой захороненной заразой. У него даже акваланг есть. Он нырял на дно, делал какие-то замеры, составил карту – ну, про нее я уже говорил. И он очень хотел, чтобы всю эту дрянь со дна убрали. Надеялся, Зим поможет. Он говорил, что у него в столице знакомые есть среди начальства, обещал Чанга познакомить с ними.

– Так, может, они в столицу и уехали? Далеко до Алма-Аты? – Полундра произнес название города на русский лад.

– Столица у нас Астана, – поправил его кореец. – До нее далеко. И если бы Чанг туда собрался, он бы нас предупредил – ведь не маленький, понимает, что мы волноваться будем! Нет, с ним что-то случилось.

Полундра кивнул – кореец был прав. Чанг – человек ответственный, уехать из дома больше чем на неделю и не сказать об этом ни слова родителям... Нет, он просто не мог так поступить!

– Надо бы мне посмотреть, что там за экспедиция такая экологическая, – сказал Полундра вслух.

– Возьмите ключи, – Фа Зюнь полез в ящик стола.

– У вас есть машина?

– У Чанга. «УАЗ» старенький.

– А если я ее возьму, вы сами-то как?

– Сам-то я больше на коне привык, – с легкой усмешкой ответил кореец. – Ему и бензина не надо, травку пощиплет и порядок. Намного дешевле получается. Да и не везде, где конь пройдет, на машине проехать можно.

– Хорошо. Сегодня уже поздно, а завтра поеду к этим экологам, – сказал Полундра. – А там, дальше, видно будет. Может, придется на остров ехать. Кстати, как туда добраться? Я карту смотрел, вроде это и не совсем остров, перемычка есть. Значит, можно посуху проехать?

– Можно, – кивнул кореец. – Но лучше не через перемычку, а переплыть, – так и быстрее, и удобнее. К тому же на перемычке пограничники стоят, без пропуска на остров не пустят. А по воде люди который год уже туда спокойно плавают.

– Зачем? – спросил Полундра. – Я так понял, ничего хорошего там нет, только риск заразу какую подцепить.

– Металлолом собирают, – объяснил Фа Зюнь. – Море обмелело, рыбы теперь почти нет, многие только сбором металлолома и живут.

– Ясно. Кстати, а карту, которую Чанг составил, посмотреть можно? Или он ее с собой увез?

– Нет. Она осталась здесь. Сейчас дам.

Карта оказалась подробной, но прочитать ее Полундра не смог. Наряду со стандартными обозначениями на ней было полно непонятных символов – видимо, изобретенных самим Чангом. Однако и такая карта вполне могла пригодиться, во всяком случае, на ней были обозначены места, чем-то заинтересовавшие Чанга.

«Интересно, почему он ее с собой не взял? – подумал Сергей, рассматривая карту. – Или и правда не по своей воле уехал?»

На этом месте размышления Полундры были прерваны. Во дворе отчаянно залаяла собака, послышался стук и чей-то громкий голос:

– Эй, русский, выходи!

– Это еще что такое? – испуганно спросила мать Чанга. – Кто...

– Да я тут по дороге повздорил слегка с какими-то ребятами, поучил их вежливости, – сказал Сергей, вставая из-за стола. – Наверное, за добавкой пришли.

– Что за ребята? Где ты с ними встретился? – напряженным голосом спросил Фа Зюнь.

– У двухэтажного дома рядом с магазином. Там джип стоял... – Полундра осекся, видя, как хозяева стремительно бледнеют.

– А что, это какая-то ваша мафия местная? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал шутливо.

– Джип был черный или красный? – тихо, едва шевеля губами, спросил Фа Зюнь.

– Черный.

– Это были люди Рустама. Он сегодня должен был приехать с Фаридом договариваться, – похоже, Фа Зюнь обращался не столько к Полундре, сколько к своей жене.

– Эй, русский! Выходи по-хорошему! – снова донесся с улицы голос. – Мы знаем, что ты здесь!

Полундра, больше не обращая внимания на корейцев, шагнул к двери. Не в его правилах было прятаться от опасности.

Выйдя на улицу, Полундра увидел плотного толстого мужика восточной внешности – лицо у него было самоуверенное, видимо, это и был Рустам. У него за спиной были все трое битых Полундрой парней. А рядом...

Сергей напрягся, внимательно рассматривая мужика средних лет, стоявшего рядом с Рустамом. По мелким деталям – по позе, положению головы, ног, рук, по едва заметным движениям Полундра мгновенно понял – тот еще волк. Такой же, как он сам, вряд ли хуже.

– Рашид, вперед! – приказал толстяк.

Но Рашид не двинулся с места. Он тоже смотрел на Полундру, явно оценивая, на что способен противник. И приходя к тому же выводу, что и Сергей, – они достойны друг друга. Настоящим профессионалам вполне достаточно несколько секунд посмотреть друг на друга, чтобы это понять.

– Ну! – прикрикнул Рустам. Рашид что-то тихо ответил. И снова поднял взгляд на Полундру.

– Спецназ? – нарушил тишину Сергей. – «Краповый берет»?

– Нет. «Альфа». А ты?

– «Морской дьявол».

Это значило, что бой – если он начнется – будет равным. Но ни бывшему спецназовцу из легендарной «Альфы», ни Полундре совершенно не хотелось рубиться друг с другом понапрасну. Они даже чувствовали друг к другу легкую симпатию – как профессионал к профессионалу.

– Может, поговорим сначала? – на этот раз Полундра обращался к Рустаму.

– О чем тут говорить?! А зачем на моих людей напал?!

– А ты их самих об этом спрашивал?

– Да! Сказали: налетел и начал бить!

– Вот так, ни с того ни с сего? Врут они тебе, уважаемый. Я их спросил, как мне этот дом найти. А они оскорблять стали, потом руками-ногами махать. А один – ножом. Не понравилось им, что я по-русски говорю. Ты, я смотрю, по-русски говоришь и ничего!

Рустам обернулся к битым. Неизвестно, что он там на их лицах прочитал, но сам быстро начал багроветь. И спустя пару секунд разразился гневной тирадой на своем языке. Пока он говорил, из парней словно воздух выпускали – они прямо-таки сдувались, как развязанные воздушные шарик.

– Извини этих баранов, – сказал Рустам, снова поворачиваясь к Полундре. – Я не ожидал от них такой глупости, поэтому и поверил, что ты напал без причины. Эти дураки не понимают, что, кроме пользы, нам от России ничего не было. И что зря мы в девяносто первом отделились, ничего хорошего из этого не вышло. Будь моя воля – завтра же Казахстан обратно к России бы присоединился. Вон, киргизы уже тоже об этом задумываются, я про это вчера в газете читал. А этим недоумкам русский язык не нравится! Из-за таких, как они, все русские от нас и уехали, теперь ни инженеров, ни ученых, ни врачей, ни учителей почти не осталось! А сами они только баранам хвосты крутить и могут! Ладно, я с ними еще дома поговорю! Извини, уважаемый. Как тебя зовут?

– Сергей Павлов.

– А я Рустам Баширмамедов. Будешь у нас в поселке – заходи.

– А ты не из этого поселка?

– Нет. Я из Солнечного, это недалеко, но уже за границей. В Узбекистане. Но кто знает, вдруг окажешься там, ведь совсем недалеко.

Прежде чем разойтись, Сергей и Рашид с уважением кивнули друг другу.

– Ой, я думала, они вас сейчас убьют! – такими словами Тай Зюнь встретила вернувшегося в дом Сергея. А ее муж шагнул к стене, в руках у него было двуствольное охотничье ружье.

– Не так это просто, – хмыкнул Полундра, глядя, как Фа Зюнь вешает оружие на стенку. Молодец старик, не робкого десятка. Видимо, решил, если придется, заступиться за гостя.

– У него Рашид так дерется, что это просто представить трудно!

– Мне не трудно – сам такой же, – отозвался Полундра. – А кто это хоть такие?

– Узбеки. Тоже металлолом собирают на острове. Приезжали с нашими договариваться, делили участки, кому где собирать. У них Рустам главный. Большой человек. У него прадедушка баем был в наших местах, а дедушка красным комиссаром.

– Интересно! – улыбнулся Полундра. – А отец?

– Председателем совхоза.

«Есть же такая порода непотопляемая!» – подумал Сергей. А вслух сказал:

– Ладно, хорошо, что миром разошлись. А сейчас давайте спать ложиться, я завтра хочу к экологам как можно раньше поехать.

– Хорошо, хорошо, – закивала Тай Зюнь. – Я вам в комнате сына постелю.

7

На поселок опустилась ночь. Спать в Светлом ложились рано, практически сразу, как только стемнеет – жечь свет большинству обитателей поселка было просто не по карману. Поэтому начало первого было здесь, можно сказать, серединой ночи, все спали уже давно и крепко, готовясь встать с первыми лучами солнца. Улицы поселка были тихи и неподвижны – это не город, в котором ночью жизнь хоть и затихает, но не останавливается. Здесь тишина и темнота правили безраздельно.

Или, точнее сказать, – почти безраздельно. По крайней мере, сегодня ночью.

По улице, на которой находился дом семьи Зюней, двигалась бесшумная тень. Это был человек среднего роста, одетый во все черное – простая и древняя, еще со Средних веков идущая уловка, но несколько не потерявшая эффективности. Лицо человека тоже было заматано черной тряпкой, только глаза поблескивали – ну просто ниндзя из боевика, ни дать ни взять! Впрочем, положенного ниндзя меча у этого человека не было. Зато он катил рядом с собой маленький скутер, тоже полностью выкрашенный в черный цвет. Двигался он медленно, но совершенно беззвучно – в двух шагах за спиной такой прокрадется и ничего не услышишь.

Остановился «ниндзя» у дома Зюней. Прислонил скутер к забору, снял с пояса что-то темное и негромко свистнул. Во дворе тут же зашевелилась и заворчала собака – вообще-то она была не сторожевой, корейцы держали ее, чтобы изготовить к Новому году национальное праздничное блюдо – тушеную собачатину. Но пес, не подозревавший, что держат его не для охраны дома, а для чисто гастрономических целей, действовал, повинаясь инстинктам. Он выскочил из-под дома, где у него было что-то типа норы, и тут же отпрыгнул в сторону – прямо у него перед носом на землю шлепнулся какой-то темный предмет. Впрочем, собака – не человек, ей важнее запах, чем вид. Уже спустя секунду пес понял, что это такое. Мясо! Свежее мясо, которого он не ел давным-давно, с тех пор, как удалось в степи суслика изловить. Хозяйка собаку в основном кашей кормили – впрочем, это им не в упрек, они и сами мясо не часто ели.

Разумеется, хоть мало-мальски дрессированная собака тронуть подозрительный кусок, взявшийся непонятно откуда, и не подумала бы. Но глупый пес кинулся к куску и проглотил его практически не жуя.

Результат не заставил себя долго ждать. Буквально через секунду пес тихо взвизгнул и тут же, завалившись на бок, застыл.

Человек в черном одним движением перемахнул невысокую, хлипкую ограду, подошел вплотную к дому и вытащил из кармана свернутый листок бумаги и тонкий как авторучка, фонарик. Развернул бумагу, оказавшуюся планом дома, подсветил себе фонариком, стал пристально всматриваться в чертеж. Потом, не убирая плана, сделал несколько скользких шагов в сторону и оказался под окном спальни хозяев. Снова сверившись с планом, «ниндзя», видимо, сделал вывод, что пришел куда надо. Он быстро спрятал фонарик, привстал на цыпочки и прислушался. Изнутри сквозь приоткрытое окно отчетливо слышался храп.

Убедившись, что хозяйка на месте, «ниндзя» вытащил из-под одежды длинную резиновую трубку. Один ее конец был свободен, а другой крепился к маленькому, примерно с кулак баллончику. «Ниндзя» аккуратно просунул свободный конец трубки в окно и открыл вентиль на баллоне. С тихим шипением в комнату пошел газ.

Примерно через минуту храп внутри прекратился. Но диверсант продолжал держать трубку еще секунд тридцать и только после этого закрутил вентиль. Потом он спрятал и трубку, и баллончик под одежду и скользнул к веранде.

Входная дверь оказалась не заперта, даже приоткрыта. Оно и понятно – в маленьком поселке воров не боятся, да и нечего попросту было у Зюней красть. Человек в черном акку-

ратно закрыл за собой дверь и направился к комнате Чанга. Той самой, в которой Тай Зюнь постелила Полундре.

* * *

Сергей спал очень чутко – это было одним из профессиональных качеств «морского дьявола» наряду с физической подготовкой, виртуозным владением оружием и прочими полезными умениями. А на лай и прочие звуки, издаваемые собаками, в спецназе учат реагировать специально. По одной простой причине – обычнейшая дворовая шавка иной раз бывает полезнее самой навороченной сигнализации. На любую хитрую технику может найтись другая, похитрее. А простого Бобика, особенно если его еще пару недель подрессировать, не обманешь. Именно поэтому, кстати, собак до сих пор используют при охране самых серьезных объектов.

Полундра проснулся от тихого рычания безымянного пса. А когда, спустя несколько секунд, собака тихо взвизгнула, Сергей встал с кровати и подошел к окну. Но ничего подозрительного не увидел – пустой дворик, пустая улица... А где же собака, спрашивается? Несколько секунд Полундра присматривался и прислушивался, но ничего интересного или подозрительного не заметил. Мало ли... Может, пес во сне взвизгнул, сон ему приснился какой-нибудь. Собаки ведь тоже сны видят, это научно доказано.

Сергей отошел от окна и снова лег в постель. Засыпать он умел мгновенно, но сейчас в голове словно заноза какая-то засела – он был уверен, что визг донесся откуда-то с середины двора. А спит собака не там, а под домом. Хотя, мало ли что псу в голову взбредет...

Как раз в тот момент, когда Полундра окончательно решил не обращать внимания на всякие глупости, он услышал за дверью осторожные шаги. Кто-то крался по коридору. И этот кто-то явно не один из хозяев – им-то совершенно ни к чему ходить по собственному дому крадучись.

В таких случаях тело спецназовца начинало действовать, опережая рассудок на несколько секунд – а в кризисной ситуации это очень много. Полундра бесшумно взметнулся с кровати, подхватив покрывало, и встал рядом с дверью так, чтобы оказаться слева от входящего. Покрывало он намотал на левую руку, готовясь в случае необходимости использовать ее как щит, – против холодного оружия это очень даже эффективно бывает.

Шаги тем временем приближались. И неожиданно стихли – как раз в тот момент, когда кравшийся должен был коснуться двери. Видимо, он замер, прислушиваясь.

Полундра затаил дыхание и плавно опустился на корточки. Прикладная психология – входящий в помещение человек, если подозревает, что на него нападут, подсознательно ожидает атаки на уровне глаз, а к нападению снизу не готов.

С тихим скрипом дверь открылась. Через порог скользнул черный силуэт. И тут же со сдавленным стоном, согнувшись, рухнул на пол – Полундра четко, как на тренировке, всадил ему кулак в промежность. Не по-джентльменски, конечно, но зато крайне эффективно. К тому же после такого удара человек даже кричать не может – дыхание перехватывает.

– Ну-ка посмотрим, что ты за птица! – негромко сказал Полундра, присаживаясь на корточки рядом с поверженным противником. Первым делом он оторвал от простыни полоску и связал незваному гостю руки, которые он прижимал к паху. Потом Сергей перевернул человека на спину и сорвал тряпку, прикрывавшую лицо.

Диверсант оказался азиатом – определить на глаз национальность Полундра не мог, но был почти уверен, что перед ним кореец. И сто процентов за то, что послал его сюда Зим, тот самый загадочный «родственник» Зюней, который увез Чанга. Вопрос только: зачем? Ну, на этот вопрос он сейчас ответ получит.

Выждав еще с минуту, чтобы ушибленный противник немного пришел в себя, Полундра спросил:

– По-русски понимаешь?

Кореец молчал.

– Ну, так не пойдет, – хмыкнул Сергей. – Короче так. Или ты...

Кореец молниеносным движением извернулся и обеими ногами ударил Полундру в грудь. Целился-то выше, в лицо, но Сергей успел чуть привстать. Но все равно «морского дьявола» отбросило метра на три.

Время, которое понадобилось Полундре, чтобы вскочить на ноги, кореец использовал с максимальной пользой. Он зубами рванул стягивающую запястья тряпку, освободил руки и принял боевую стойку.

«Мать его за ногу! Как же это я так лопухнулся?!» – пронеслось в голове у Полундры.

Лопухнулся он в самом деле серьезно. Недооценил противника, оказавшегося профессионалом, несколько не уступающим ему самому. Видимо, кореец еще несколько секунд назад справился с болью и готовился атаковать. Ладно, это ему удалось. Но самое интересное только начинается.

Полундра медленно двинулся вперед. Кореец стал отступать, двигаясь влево. Сергей резко рванулся вперед, кореец отскочил, нанеся при этом спецназовцу два удара – один был нацелен в лицо, второй – в горло. Оба выпада Полундра отбил довольно легко, но скорость, с которой его противник атаковал, заставляла относиться к нему серьезно.

Полундра снова пошел вперед, нанося мощные удары руками, рассчитывая не столько попасть, сколько загнать врага в угол. Если бы это удалось, все решили бы масса и физическая сила, а Сергей был почти вдвое массивнее невысокого азиата. Но кореец тоже это понимал. Он неожиданно остановился и встретил атаку Полундры в лоб – каждый удар Сергея он или парировал, или пропускал мимо и активно отвечал сам.

Тишину нарушало только тяжелое дыхание и глухие звуки, когда удары натывались на блок.

Сергей начинал злиться – давно он уже не имел дело с противником, который умудрялся держаться против него так долго и эффективно. Ладно! Раз ты на дистанции такой шустрый, попробуем навязать ближний бой! Ага, уходишь! Тогда вперед, надавить, зажать! А вот такой прием знаешь? Нет! Тогда получи! Сергей достал корейца, угодил ему по ключице. Но азиат не дрогнул – напротив, контратаковал, да так удачно, что Полундре пришлось отступить.

«Хорошо! – зло подумал Сергей, снова шагая вперед. – Посмотрим, кто лучше удар держит!»

Он не стал блокировать очередной выпад противника, принял удар в грудь. А сам влепил ему прямо в лоб – целился ниже, но тот успел чуть пригнуться. Кореец пошатнулся. Полундра попытался ударить его в живот, но противник сумел поймать его руку в захват.

И это было его ошибкой! Одним из любимых приемов Сергея было дать противнику захватить руку и позволить начать проводить болевой прием. Фишка была в том, что Сергей специально тренировал правую руку и легко мог одной правой легковую машину перевернуть. Сейчас он просто напряг мышцы – после этого кореец мог с тем же успехом попробовать заломить толстую дубовую ветку.

Противник потерял мгновение, и Полундра, воспользовавшись этим, влепил ему прямой в челюсть. Если бы он попал, куда целил, бой был бы окончен – после таких ударов встают только в голливудских боевиках. Но проклятый кореец сумел чуть повернуть голову, и кулак «морского дьявола» только скользнул по его подбородку. Но и это было неплохо. Полундра замахнулся второй раз... но противник отпрыгнул и с кошачьим проворством выпрыгнул в окно – видимо, понял, что победить в этой схватке ему не удастся.

Полундра, не раздумывая ни секунды, рванулся следом за ним. Но во дворе уже тихо заурчал мотор скутера. Сергей огромным прыжком преодолел чуть ли не половину двора, но скутер уже рванулся с места.

– Да мать твою вперехлест! – рыкнул Сергей, чувствуя, что враг ушел. И тут раздался грохот, заглушивший слова спецназовца.

Уходивший от погони кореец не заметил в темноте стоявшего напротив дома трактора с прицепом. И въехал в него на полной скорости. Когда Полундра подбежал к разбитому скутеру, кореец был уже мертв. Он свернул себе шею.

* * *

– Так ты говоришь, он в комнату Чанга пролез? – переспросил толстый пожилой казах.

– Ну да! – кивнул Полундра.

– А ты проснулся и на него?

– Да!

– А он убежал, сел на эту тарактелку да в трактор и врезался?

– Да, я же уже сказал!

– А ты повтори, ничего страшного. И не кипятись. Я должен как следует во всем разобраться, все понять.

Старик, которого звали Фархад, был милиционером на пенсии. Именно он считался в поселке главным специалистом по всем нарушениям закона – просто по старой памяти. Да еще потому, что ныне действующий представитель закона, то бишь участковый, сюда показывался раз в год по обещанию. И когда показывался, первым делом шел пить чай с бабушкой Фархадом, у которого до сих пор в милиции осталось много старых друзей и знакомых. О том, чтобы с Фархадом спорить, участковый и думать не мог – да и зачем, собственно? Кто лучше поселок знает, местный житель или тот, кто здесь по многу месяцев не показывается? Так что в случае любого правонарушения жители поселка бежали именно к Фархаду – все знали, что как он скажет, так и будет.

Так случилось и сейчас. Полундра уже два раза рассказал старому казаху о том, что произошло. И было похоже на то, что сейчас допрос пойдет по третьему кругу.

Но оказалось, что Полундра ошибся. Двух раз бывшему менту хватило. Он еще раз с кряхтением нагнулся, осмотрел труп. Потом разогнулся и авторитетно заявил:

– Все ясно. Он хотел Зюней обворовать. Знал, наверное, что Чанг когда-то хорошо зарабатывал, поэтому в его комнату и полез.

– Да не воровать он лез! – начал Полундра. Но Фархад непреклонно помотал головой:

– Ты что, милиционер? Нет? Так и помолчи, когда ветеран милиции говорит! Тем более что я здесь живу, всех знаю! Ясное дело, этот негодяй знал, что Чанга нет дома, вот и полез. А о том, что Зюни тебя в его комнате поселили, не знал. Вот и нарвался.

– Но собака...

– Что собака?

– Это же он ее отравил!

– Ты это видел? – скептически улыбаясь, спросил Фархад.

– Нет, – вынужден был признаться Полундра.

– Так откуда знаешь?

– Да ясно же!

– Ничего не ясно. Мало ли от чего собака сдохнуть могла. Вон у меня позавчера кот сдох – его что, тоже враги отравили?

– А хозяева?! – воскликнул Полундра.

– Что хозяева? – реакции Фархада разнообразием не отличались.

– Я же их еле разбудил, он их газом отравил, вот и трубка при нем! И баллончик!

– Ну и что? – пожал плечами старый казах. – Хорошо подготовился к налету ворюга. Но все хорошо, что хорошо кончается. Преступления фактически не произошло. А погиб этот тип по собственной глупости и неосторожности – обычное ДТП. Никто, кроме него самого, не виноват.

Полундра тихо вздохнул. Классическая ментовская логика – все надо объяснить так, чтобы работы было поменьше. Да, заикаться про карту и про то, что Чанга могли похитить, просто бессмысленно – этот тип его и слушать не станет.

– Я завтра позвоню в райцентр, приедут, заберут его, – подвел итог Фархад. – Может, и личность установят, хотя я не уверен. Мало ли теперь всякой шантрапы по свету болтается.

«Ничего себе шантрапа! – подумал Сергей. – Дерется на моем уровне, и спецснаряжение с собой нехилое!»

Но говорить об этом вслух Сергей не стал – смысла не было ни малейшего.

– Все, уважаемые, расходитесь по домам, – сказал Фархад, обращаясь к собравшимся вокруг людям. – Сломал воришка себе шею – так туда ему и дорога.

Полундра только сплюнул и пошел в дом – нужно было еще помочь хозяевам прийти в себя.

8

Рабочая бригада – именно так они себя и называли – была невелика. Всего пять человек: Хайдар, Руслан, Асланбек, Эльдар и Махматкули – он был сегодня за главного, за бригадира. Работа, правда, у этой бригады была весьма специфическая. А именно – сбор металлолома на развалинах бывшего биологического центра на острове Возрождения. И не только металлолома, а вообще всего, что можно было или в хозяйстве использовать, или хоть за сколько-нибудь продать. Таким промыслом казахи занимались уже который год – и не по доброй воле. Нужда заставила. Все они в прошлом были рыбаками, но теперь выловить хоть что-то в обмелевшем Аральском море было крайне трудно. И большая часть рыбаков осталась не у дел. Кто-то в ближайший город подался, кто-то в столицу, кто-то в Россию на заработки, но кое-кто продолжал мыкать горе на малой родине. Именно они и занялись планомерным разграблением того, что осталось от научного городка на острове. К счастью, биологический центр в свое время был большой и крайне серьезный, так что поживиться было чем. Конечно, все самое ценное в первые же месяцы растащили, но металлолома оставалось еще минимум на несколько лет. А о том, что будет потом, никто особенно и не задумывался. Какой смысл? От судьбы все равно не уйдешь.

С первыми лучами восходящего солнца казахи собрались на площади перед магазином. Задержался только Махматкули – он ходил в гараж за «амфибией». Это был старый-престарый, двадцать раз чиненный, списанный армейский БТР – в свое время его попросту купили, причем в военной части, как раз на острове Возрождения и располагавшейся. Разумеется, вооружение с него военные сняли, но саму машину продали охотно – а что с ней еще делать, со списанной? Именно на этой «амфибии» охотники за металлоломом на остров и ездили – просто переплывали обмелевший Арал в самом узком месте, – там от берега до острова было всего километра два с хвостиком. По-другому добираться не получалось – на единственной сухопутной дороге, ведущей по узкому перешейку, стоял узбекский блокпост. Конечно, можно было просто давать пограницам на лапу, но тогда рентабельность сбора металла резко снизилась бы. Поэтому казахи приняли соломоново решение – стали ездить напрямик по воде. Правда, первое время было очень трудно с топливом, жрал его БТР весьма много. Но и этот вопрос удалось решить. Неподалеку от поселка было хиленькое нефтяное месторождение – нормальная его разработка уже давно не велась, но того, что осталось, охотникам за металлом вполне хватало. Они добывали нефть сами, потом сами же ее перегоняли, благо дело нехитрое. И получали дизельное топливо – паршивенькое, правда, но ездить на нем до сих пор удавалось.

Погрузившись в БТР, казахи тронулись в путь. До Арала добрались за два часа, еще почти час ушел на переправу, ибо как обычно возникли проблемы с «амфибией» – переплыть-то водяную преграду она исправно переплыла, а вот выбраться на берег не получалось. Впрочем, казахи с этим сталкивались не в первый раз и поступили испытанным способом – прицепили трос к приваренной на носу «амфибии» толстой железной скобе, второй его конец с помощью якоря закрепили на берегу и врубили электролебедку. Вылезла «амфибия» из воды как миленькая.

Вскоре металлосборщики оказались на месте – и как раз ко времени, солнцу было еще далеко до зенита, жара не успела набрать сил. БТР ехал мимо заброшенных пятиэтажек из силикатного кирпича – раньше здесь жили ученые и офицеры, – мимо казарм, ангаров, пустых складов, длиннющих лабораторных корпусов с проваленными крышами. Там и сям виднелись раздавленные противогазы, битое стекло – не понять уже, то ли от пробирок каких, то ли более прозаического происхождения, кое-где ржавела брошенная техника – разумеется, из числа той, которая оказалась сломанной настолько, что ремонтировать и вывозить ее просто не окупалось. Впрочем, все мало-мальски ценное с техники уже сняли. Здесь даже с десятков танков

было и еще больше БМП – тоже совершенно безнадежно неисправных или попросту устаревших, которые забирать после закрытия военной части не стали, а просто привели в негодность оружие и бросили. Охотники за металлом уже давно на них поглядывали, но пока трогать не решались – не так уж это легко, танк на металлолом раскурочить. Да и зачем? Пока вокруг хватало добычи полегче.

«Амфибия» остановилась в самом центре зоны, которая, по уговору с узбеками, была закреплена за жителями Светлого. Казахи вылезли наружу. В руках у них был соответствующий инструмент, как, можно сказать, профессионалы своего дела они были неплохо снаряжены – с собой у них были кусачки, ножницы по металлу, ножовки, тачки для транспортировки добычи и даже портативный газовый резак.

– Ну, начали! – скомандовал Махматкули. И первым шагнул к старой трансформаторной будке – прекрасному объекту для разборки. Особую ценность представлял медный провод, но и все остальное тоже заслуживало внимания.

Они уже подошли к будке вплотную, когда Хайдар, самый молодой из казахов, догнал бригадира и придержал его за рукав:

– Махмат, стой!

– Что такое? – недовольно обернулся Махматкули.

– Тише! Слушай! – и Хайдар протянул руку в сторону заброшенной лаборатории.

Казахи остановились, прислушались. Из заброшенного здания вполне отчетливо доносились человеческие голоса. Причем разговор там шел на повышенных тонах.

– Ну, совсем узбеки обнаглели! – зло выдохнул Асланбек. – Это наш участок!

– Точно, – поддержал его Эльдар. – Вчера же только все подтвердили! Вот гады!

– Сейчас схожу разберусь, – нахмурив брови, сказал Махматкули. – Так, парни, вы стойте здесь... – он ненадолго задумался, – Хайдар, а ты со своей берданкой с той стороны зайди. На всякий случай. Мало ли что этим уродам в голову придет.

Откровенно сказать – Махматкули опасался не столько того, что узбекские конкуренты обнаглели, – это было весьма маловероятно, который год уже мирно и спокойно с ними жили. Он боялся, что на острове объявились какие-нибудь новички. Вот от них всего можно ожидать – пока объяснишь, что они на чужое место влезли, можно кучу неприятностей огрести. Еще это могли оказаться пограничники. Но они, пожалуй, в последнюю очередь – они боятся заразы и стараются сюда не ездить.

– Ну, Хайдар, давай! – прикрикнул на парня бригадир.

Хайдар снял с плеча старую двустволку. Он носил с собой ружье, надеясь на обратном пути подстрелить джейрана или сайгака. Мясо степной антилопы – не говядина конечно, но какое-никакое, а все-таки мясо. Поживешь впроголодь – и такому рад будешь. Тем более что предки от века его ели и не жаловались. Была и еще одна причина, по которой в каждой группе собирателей металла хоть один человек был вооружен. Дикие собаки. Их здесь было немало, они собирались в большие стаи и отличались наглостью. Неоднократно нападали на людей. Конечно, группу в пять человек псы атаковать вряд ли решились бы. Но все равно с ружьем было поспокойнее. Что такое огнестрельное оружие, дикие собаки понимали очень хорошо.

Хайдар с ружьем наперевес скрылся за углом здания, а Махматкули решительно шагнул в дверной проем. На какое-то время над разоренным городком повисла тишина. Нехорошая тишина, напряженная, нарушаемая только невнятными возгласами находившихся в здании лаборатории людей. А спустя несколько секунд и эти голоса смолкли. Тишина стала полной.

И вдруг ее нарушил отчаянный вопль. Сразу за ним послышался звук удара об землю чего-то тяжелого. И грохот одиночного выстрела.

Казахи толком и понять ничего не успели, а из здания уже вылетели три шуплых, проворных парня в камуфляжных костюмах и с автоматами наперевес.

– Вы что... – Асланбек шагнул вперед, но камуфляжники были совершенно не настроены на разговор. Автомат первого из них выплюнул короткую очередь – на грязной рубашке Асланбека вспухли кровавые пятна. Казах охнул, стал заваливаться набок – на лице у него при этом застыло удивленное выражение. Он еще не коснулся земли, а его убийца уже дал еще две очереди – первая вдребезги разнесла череп Эльдару, а вторая прошла живот Руслану. Руслан на последнем издыхании успел взмахнуть рукой, и в ближайшего камуфляжника полетели ножницы по металлу. Но выпад был несерьезным – тот легко уклонился.

Из всех казахов в живых остался один Хайдар. И именно он сумел хоть как-то расквитаться с нападавшими за товарищей. Именно его выстрел слышали Асланбек, Руслан и Эльдар перед смертью.

А дело было так. Когда Хайдар скрылся в кустах за лабораторией, он услышал сверху голоса – те самые, но теперь ему было их слышно намного лучше. Он сумел определить, что говорят по-корейски, – был опыт общения с корейцами, ведь их в Светлом жило немало. Но эти корейцы говорили как-то странно. Он не один раз слышал, как говорят по-корейски местные – их говор отличался от того, что он слышал сейчас, очень сильно. Но додумать эту мысль до конца Хайдар не успел.

– Что это вы тут делаете? – раздался сверху громкий голос бригадира. – Кто вы вообще? Эй! Ты что?!

Сверху раздался шум, и в этот же миг из окна третьего этажа наружу вылетел Махматкули. Он упал всего метрах в трех от Хайдара, и парень отчетливо увидел – горло у бригадира перерезано от уха до уха, словно в кровавой улыбке рот распахнулся пониже подбородка.

Хайдар действовал не думая. Он вскочил, вскинул ружье и успел поймать на мушку чью-то фигуру в окне третьего этажа. Грянул выстрел. Хайдар успел заметить, как тот, в кого он целился, хватается за плечо, но тут в окне второго этажа появился человек с автоматом. Хайдар метнулся в сторону, на лету выпалив еще раз. И тут же почувствовал два толчка – в руку и под ключицу. Но боли, как ни странно, не было – упав в кусты, Хайдар перекатился и, нагнувшись, припустил прочь. Вслед ему ударила еще одна очередь, но парню повезло – она всего лишь взрыла землю у него под ногами, и только одна пуля слегка задела лодыжку.

Хайдар скрылся за углом следующего здания, кинулся к берегу. И только пробежав шагов пятьдесят, почувствовал боль. Сразу за болью пришла слабость, головокружение. Парень понял, что далеко не убежит. И метнулся вправо, туда, где стоял покосившийся вагончик – бывшая передвижная лаборатория. Он влетел внутрь, кинулся на пол и накинул на себя какое-то провонявшее соляжкой тряпье, укрывшись с головой.

Погоня себя долго ждать не заставила. И двадцати секунд не прошло, как из-за угла здания появились несколько парней с автоматами. Все они были невысокими, лица – типично корейские. Но ни одного из них Хайдар, видевший происходящее сквозь щели в обшивке, не знал. Корейцы обменялись несколькими фразами. Нет, определенно не местные – те в каждое предложение обязательно по одному, а то и по два русских слова вставляют, а эти шпарят только по-своему.

Старшим у корейцев был среднего возраста мужик с колючим взглядом и длинным шрамом на правой щеке. Движения его были резкими, а голос решительным. Осмотревшись, он отдал подчиненным несколько отрывистых команд. И те разошлись в стороны. Один из них двигался прямо к вагончику, в котором притаился Хайдар.

Впрочем, молодому казаху было уже настолько плохо, что он с трудом осознавал, что происходит. И даже почти не испугался, когда кореец вошел в вагончик. Хайдар только до крови прикусил губу – только бы не шевельнуться, не застонать, даже вдоха не сделать. Ведь убьют, как собаку! Прошли несколько тягостно долгих секунд. А потом кореец вышел наружу, даже не поворошив воняющую соляжкой кучу тряпья на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.